



Мегамир

Юрий НИКИТИН

Мегамир

«ЭКСМО»

1991

Никитин Ю. А.

Мегамир / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1991 — (Мегамир)

Перед человечеством стоит проблема перенаселения. Стандартное решение этой проблемы, которое не раз предлагали писатели-фантасты, – отправить людей к звездам. Но это, как известно, весьма непросто и сопряжено с огромными материальными затратами. Юрий Никитин, как всегда, предлагает свой, оригинальный выход. Ведь если уменьшить человека до размеров насекомого, то территория, которой ему не хватило бы для того, чтобы просто сидеть, превратится в огромную страну, в которой с комфортом разместится не одна тысяча людей...

© Никитин Ю. А., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	39
ГЛАВА 9	44
ГЛАВА 10	49
ГЛАВА 11	53
ГЛАВА 12	58
ГЛАВА 13	63
ГЛАВА 14	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий НИКИТИН МЕГАМИР



Часть I ПЕРВЫЙ ШАГ

ГЛАВА 1

Дверь скрипнула, Енисеев нервно оглянулся, тут же поперхнулся, сбился с мысли. Он не любил, когда в аудиторию заглядывают даже студенты, а сейчас в щели виднелось холеное лицо ректора. Он подавал какие-то знаки, похожий на новорожденного муравья, еще молочно-белого, не освоившего язык жестов во всей красоте и многообразии.

– На сегодня все, – объявил Енисеев дрогнувшим голосом. – В следующий раз рассмотрим состав феромонов тревоги кампонотуса...

Студенты с шумом вскакивали, собирали свое имущество, а он заторопился к выходу. Он ненавидел себя за торопливость, за суетливость, за предельную вежливость, которую в нормальном мире нормальные люди принимают за слабость, но ничего поделать не мог и сейчас, в коридоре, торопливо и чересчур искательно поклонился ректору. Рядом с ректором высился огромный, как башенный кран, мужчина, широкий и длиннорукий. От ректора на Енисеева пахнули дорогие духи, которыми раньше пользовались исключительно женщины горизонтального промысла, зато от его спутника мощно повеяло запахом пороха, крови, а перед глазами Енисеева почему-то замелькали зеленые джунгли, раскаленные от выстрелов стволы пулеметов, обнаженные женщины...

– Евлампий Владимирович, – сказал ректор, голос его звучал приподнято, – я прошу вас немедленно отправиться с этим вот товарищем... э-э... господином. Дело очень срочное. Прошу вас оказать содействие в самом полном объеме ваших знаний! В полнейшем. Понимаете? Полнейшем!

Мужчина посмотрел как-то странно, Енисеев съезжился, но мужчина тут же прогудел нетерпеливо:

– Да понял он, понял. Я его забираю?

– Да-да, – ответил ректор стелющимся голосом. – Да-да, конечно-конечно.

Енисееву показалось, что ректор готов встать по стойке «смирно». Похоже, явился человек из числа тех, кто финансирует работу их института. А перед такими сам ректор готов собственноручно расстилать ковры и сдувать пылинки с их плечиков.

Мужчина в самом деле забрал Енисеева: взял под локоть железными пальцами, и тот не успел пикнуть, как его почти по воздуху вынесло из здания. К подъезду тут же на скорости подкатила машина с мигалкой на крыше. Шофер сразу же врубил и свет, и звук, возможно – даже локатор, круто вывернул руль, машина выскочила на разделительную полосу. Они понеслись на страшной скорости, пугая встречных, поперечных и даже тех, кто спешил по тротуару.

Сердце Енисеева колотилось как горошина в детской погремушке. Сразу прошиб пот, он долго не решался заговорить, голос задрожит, а он себя за такие штуки ненавидел и долго топтал, как за всякое немужское проявление слабости.

– А в чем, собственно, дело? – спросил он наконец. Голос вибрировал, но не срывался, и Енисеев, собравшись с духом, повторил: – В чем дело? У меня распорядок дня...

Мужчина сказал коротко:

– Авария.

Енисеев пролепетал:

– Если авария, то... понятно. Конечно... Нет, вообще-то, извините, не совсем! Я же не эмчээс-эмэнэс какой-нибудь.

– Нужна консультация специалиста, – коротко ответил мужчина.

Он стиснул челюсти, Енисеев умолк. Вид у мужчины был раздраженный, а Енисеев со всеми старался жить в ладу. Машина неслась, как глиссер, Енисеев вжался в сиденье, стараясь понять, чем может оказаться полезным он, доктор биологических наук, крупнейший... так говорят!.. специалист в области мирмекологии, еще молодой, но уже лысеющий мужчина непризывного возраста и неспортивного сложения.

– Быстрее, – сказал мужчина шоферу. – Гони на красный. Проскочишь!

– А что, мы не джигиты? – ответил шофер бодро.

Машина рванулась, как снаряд из орудия. Енисеев сжался в комок. Хоть на заднем сиденье, но при такой скорости это же в лепешку... Страшная, неумолимая сила гравитации сплющит и машину, и тела... А потом взрыв, грохот, окровавленные и обгорелые куски мяса разлетаются в стороны...

Мужчина спросил внезапно:

– Вас в самом деле так зовут?

– А что? – спросил Енисеев затравленно.

– Да так... Больно на кликуху похоже. Или на ник, как теперь говорят. Да вы не обижайтесь, это я так... дергает меня, понимаете? Волнуюсь, если говорить доступно.

– Да-да, я не обращаю внимания.

Подумал, что его слова могут расценить как глубость, но поправиться не успел: машина сделала крутой поворот, его прижало к дверце с такой силой, что из груди вырвался полузадушенный стон. Похоже, дверь здесь бронированная, так просто не выпадешь. Если честно, то он в самом деле уже почти не обращал внимания на реакцию от своего имени. Это в детстве настрадался, а много позже внезапно в некоем озарении понял, что доктором наук и светилом в мирмекологии стал практически только из-за этого нелепого имени. Даже подумывал впоследствии, что прозорливый отец все рассчитал заранее. Еще в детском саду при звуках его имени фыркали воспитательницы, постоянно коверкали, никто не мог запомнить, а дети злобно хохотали. В школе был ад, ему приходилось драться, и тогда он начал посещать спортивные секции: плохо, когда бьют только тебя.

Он даже получил разряд по боксу. Простому примитивному боксу, зато зло побивал мальчиков из модных секций по восточным единоборствам, которые кичились купленными поясами всех цветов. Потом поступил в универ, там тоже двоим-троим вышиб зубы, но дальше наука захватила с головой, и когда он вместо диплома защитил кандидатскую, уже никто не смел хихикнуть... по крайней мере, в лицо. Правда, все постоянно коверкали, никому не удавалось запомнить с первого раза, а потом он уже не пытался разобраться: кто коверкает сознательно, а кто в самом деле путается с непривычным именем.

Женщины почему-то глупо начинали хохотать, а достойных, нехохочущих, он как-то не встретил. Да и черт с ними! Тех связей, которые у него время от времени завязывались, хватало на то, чтобы надолго отбивать охоту заходить в этих интимах слишком далеко.

Из-за этого имени он с детства был не таким, как все, что истончило шкуру и обострило все чувства. Он никогда не расслаблялся, всегда начеку, каждого подозревал в каверзе, мозг работает без отдыха, придумывая, как кому ответить, как увернуться, избежать, доказать... Благодаря такой накачанной мускулатуре нервов в школе с легкостью учился только на «отлично», в универе тоже стал самым перспективным, писал и публиковал научные работы, и никого не удивило, что в двадцать семь лет он уже защитил докторскую.

Понятно, что о коротком занятии боксом вспоминал со стыдом, сила – уму могила, спортсменов презирал, а все свободное время проводил в обществе жучков-паучков, как снисходительно отзывались соседи, а на самом деле – в обществе благородных муравьев.

Сейчас машину бросало из стороны в сторону, шофер на большой скорости лавировал между автомобилями: просто автомобилями и огромными монстрами на колесах, похожими

больше на передвижные заводы по производству танков. Тормоза визжали всю дорогу, инерция то бросала вперед, то дергала назад с такой силой, что шейные позвонки хрустели. Енисеев закрыл глаза, тихо вздрагивал. Из горла рвалась икота, задавить не сумел, молча подпрыгивал, как поплавок в бурной воде.

Внезапно инерция бросила его лицом вперед. Он в смертельном ужасе ожидал жуткий удар, ломающий кости, но сбоку пахло свежим воздухом, сильная рука снова ухватила за локоть.

Ошеломленный, он дал выволочь себя из машины. Под ногами мелькнули ступеньки, затем перед самым носом распахнулись сперва двери массивного здания, потом – лифта, а через минуту мужчина протащил Енисеева по широкому коридору к дальней двери.

Это был огромный кабинет, от двери широкий ковер к массивному столу, а во главе стола такой же массивный гигант, широкий и с непомерно красным лицом. Под стеной в рабочем кресле на колесиках застыл третий, мускулистый, как статуя фараона, и такой же неподвижный. Когда Енисеев переступил порог, прозвенел звонок, резкий и требовательный. Гигант за столом с неудовольствием покосился на прибывших, поморщился, но пальцы уже сдернули трубку с рычага.

– Морозов слушает.

Сквозь решетку мембраны рвался наружу строгий начальственный голос. Он перекрывал далекий гул и странные шорохи. Трубка, сообразив, кто на каком конце провода старше, попыталась вывернуться из ладони гиганта, назвавшегося Морозовым.

Мужчина усадил Енисеева на стул возле самой двери, неслышно вышел. Енисеев вздрагивал, пугливо поглядывал то на Морозова, явно здесь главного, то на третьего, не представляя, что у него может быть с ними общего.

Этот третий не пошевелил и бровью, но Енисеев ощутил его цепкий взгляд, словно тот примеривался, куда его садануть боевым приемом. Весь из мышц, широченный в плечах, грудь вздувается от мускулов, широкие ладони мирно лежат на коленях, но, когда Енисеев представил, какого размера будут кулаки, когда этот атлет сожмет пальцы, по спине пробежали мурашки.

Наконец Морозов сказал что-то вроде «слушаюсь», опустил трубку с таким усилием, словно разрубленную вдоль оси непомерно тяжелую гантель. Его лицо разом пожелтело, глаза втянулись под укрытие по-неандертальски толстых надбровных дуг. Под пещерами глаз повисли многоярусные карнизы. Голос его прозвучал искаженно, с помехами, словно шел с другого конца Галактики:

– Контрольные сроки прошли... Испытатель не вернулся.

Старый могучий дуб, он привык выстаивать под бурями, грозами, выдерживал удары молний, под защитой ветвей вырастил молодняк, но, как ясно видел Енисеев, силы уже не те, а молнии бьют и бьют! Как всегда, по самому высокому дереву.

Атлет, изображавший фараона на троне, шевельнулся с таким видимым усилием, что Енисеев почти услышал скрип тугой мускулатуры. Прозвучал хриловато-мужественный голос, сильный, как зов боевой трубы перед рыцарским турниром:

– Аверьян Аверьянович... Если этот... ну, коллега... готов, нам бы поспешить! Вдруг Сашка где-нибудь лежит, истекая кровью?

Енисеев стиснул ладони, нервно переплетя длинные тонкие пальцы. Это он-то коллега этому кинг-конгу! Со стороны казалось, что он зажал в руках выловленную в подземных пещерах большую сороконожку. Летом как-то не до модного загара, работы невпроворот, остался болезненно-белым, с той синевой, какую отыщешь разве что у забитых скороспелых кур в отсталых хозяйствах. Рядом с выкованными из темной меди Морозовым и этим незнакомцем, который «коллега», вообще не по себе. По ним стукни молотком – пойдет медный звон, как

в Новгороде перед вечем. По какому месту ни стукни. Особенно, наверное, хороший чистый звон, если грохнуть кувалдой в лоб.

– Я... – сказал Енисеев торопливо, – я готов. Если надо для спасения... человека... Словом, располагайте... да-да, я к вашим услугам.

Чуть было не сказал «услугам-с», сам себя возненавидел за такую почтительность, лакейство, но ничего не мог поделать: хоть и презирает этих существ из одних мускулов, но почему-то трусит.

Морозов с сомнением побарабанил толстыми твердыми пальцами каратеки по бумагам. Сбоку последняя модель «Эльбруса-4», накрученная и навороченная, с расширениями и прибамбасами, однако Морозов, как уже понял Енисеев, больше доверял простой белой бумаге из целлюлозы.

Енисеев скосил глаза и увидел собственную фамилию. Судя по распечатанному вороху справок, о нем собрали данные, начиная с внутриутробного поведения, проверили и перепроверили здоровье, допуски, ай-кью, научные работы, пребывание за границей, награждения и поощрения, переписку с иностранными гражданами, уживаемость в коллективах и всякие там связи и связики...

– Рискнем, – решил наконец Морозов, словно убеждая самого себя. – Вы знаток в нужной области, чего не скажешь о наших дуболомах. С вами пойдет один из наших. Опыта ему не занимать, бывал на коне, бывал и под конем...

Атлет привстал, коротко наклонил стриженую голову. Это были одни каменные мышцы, развитые греблей, теннисом, плаванием, боксом, штангой, карате, джиу-джитсу и бог знает чем еще, нелепым в мире компьютеров и автоматов Калашникова.

– Дмитрий Анатольевич Алексеевский, – отрекомендовался он сильным, звучным голосом, и Енисеев тут же почему-то представил, как этот Алексеевский прыгает с военного самолета, стреляет прямо в полете, кого-то давит, душит, разбрасывает гранаты... – В нашем случае – Дмитрий. А вы – Енисеев? Хорошо.

Морозов вырос над столом, не меняя выражения лица, словно его подняло домкратом. Он выглядел потяжелее Алексеевского, но под наросшим за годы администрирования слоем жира и дурного мяса Енисеев видел все те же каменные мышцы, развитые боксом, штангой...

Его передернуло, противно, чем больше мышц – тем ума меньше. И вообще придется оправдываться, если кто-то из знакомых увидит его с таким рядом.

– Товарищ Морозов, – сказал он, – только одно условие.

Морозов поморщился, тяжелые брови сдвинулись с такой грозной мощью, что Енисеев ожидал удар грома, словно при столкновении двух скал. Запавшие глаза свернули, как боевые лазеры.

– Что еще?

– Если дело касается моей области... – сказал Енисеев торопливо, – то я действую самостоятельно. Или я никуда не пойду.

– Ваш ректор обещал помощь, – напомнил Морозов.

Глаза его были непроницаемы, но Енисеев сразу понял, что эти люди содержат весь их институт, финансируют разработки и что ректор сделает то, что они скажут.

– Я лучше уволюсь, – огрызнулся он и в самом деле ощутил, что может уволиться, хотя не представляет, куда пойдет со своей редчайшей профессией. – Я уже... уже натерпелся с вашим администрированием науки!..

Он сам чувствовал, что голос звучит жалко, не голос, а комариный писк. А Морозов сразу посерьезнел:

– Это не ваша лаборатория с подопытными червячками! Дело очень серьезное... и даже опасное.

– Я знаю все опасности в области мирмекологии, – огрызнулся он.

– Полностью ли?

– Для меня достаточно.

– Вы не представляете всей картины...

– Я специалист, – напомнил Енисеев нервно, – профессионал. Я совершенно не разбираюсь в ваших погонах, зато свою работу знаю. Или хотя бы представляю. Условимся: здесь я подчиняюсь вашим сержантам, а там они мне.

– Вы плохо представляете нашу работу, – ответил Морозов мрачно. – Уверяю вас, сержантами и за версту не пахнет. Даже у шофера звание повыше майора. Впрочем, у меня просто нет выбора.

– Это не давление, – пробормотал Енисеев. – Простите, но... Когда надо будет спрашивать, с какой стороны стреляет пистолет, я обращусь к вашим людям.

– Я принимаю ваши условия... – ответил Морозов невесело. – Этого вы хотите?

– Да.

– Добро. Вы не служили? Небось отмазались от службы? Так что не знаете, что это такое – ответственность за других. Ладно, как я уже сказал: там командование берет на себя!

Алексеевский четко повернулся к Енисееву, выпятил грудь, щелкнул каблуками. Видимо, тем самым давал понять, что в армии он привык к любой дурости, на то и армия, так что готов подчиняться даже штатскому. Енисеева передернуло.

Голос Морозова был серым от усталости, даже подернутым пеплом:

– С меня голову сорвут за своеволие, но согласовывать некогда. Действуйте! И поторопитесь.

Енисеев на миг задержался у выхода.

– Вопрос моего... моей... командировки... уладите сами?

Морозов брезгливо поморщился, Енисеев понял, что ничего согласовывать не будут, а просто позвонят... это называется звонок сверху, и ему предоставят зеленый свет.

– Да-да, конечно, – отрывисто бросил Морозов.

Алексеевский уже сорвался с места. В два прыжка миновал коридор и, не обращая внимания на тихоходный лифт, промчался по винтовой лестнице, похожей на стальной смерч, винчивающийся штопором в вестибюль.

Енисеев все еще топтался на пороге. Показалось, что Морозов несколько недооценивает их директора института, который тоже недавно снял мундир полковника.

– Пожалуйста, а то у нас в последнее время строгости...

– Уладим! – раздраженно бросил Морозов.

ГЛАВА 2

У подъезда замерла, как хищный зверь перед прыжком, черная легковая автомашина, длинная, как подводная лодка. Дмитрий распахнул дверцу перед Енисеевым, и пока тот пугливо усаживался, не понимая – то ли он в рубке звездолета, то ли за пультом «Су-37М», Дмитрий уже оказался за рулем. Машина бесшумно рванулась вперед, почти полетела, низко стелась над грунтом, став еще более похожей на подлодку.

Енисеев вжался в глубь сиденья, уперся ногами. Дмитрий гнал автомобиль-торпеду, словно камикадзе, по разделительной полосе, превышал скорость, срезал повороты... По слухам, в Москве семьдесят семь правил дорожного движения, но Дмитрий наверняка ухитрился нарушить их все.

– Держись ближе ко мне, – сказал он, не поворачивая головы, – я там был дважды... Конечно, вы специалист...

Обращался то на «ты», видя бледного ученого, похожего на улитку без раковины, то на «вы», вспоминая, что эта улитка – доктор наук, то есть примерно в ранге полковника, если не генерал-майора, и что эта улитка написала толстые научные книги, от одного взгляда на которые у любого нормального человека челюсти сводит.

Для кого-то проблема защитить диплом, а он уже в свои двадцать семь лет – доктор наук, уважаемый и авторитетный в кругу мирмекологов. И вот он, этот самый уважаемый, будет участвовать – уже участвует! – в спасательной экспедиции. Супермены с железными мускулами сели в лужу, как признал Морозов, им понадобился специалист.

Это он специалист! Который шнурки себе не завяжет, у которого кофе всегда выкипает, носки теряются, а галстук завязывается таким узлом, что и три докторские степени не помогли бы распутать...

При входе у них дважды проверили отпечатки сетчатки глаза. Когда Енисеев увидел на большом экране цветное изображение своего глазного дна, лишь съежился в непонятном страхе. Некое заведение знает о нем все. Или очень много. Как и о других гражданах. Кому-то такое внимание по фигу, а ему неприятно, словно застали в момент, когда он ковыряется в носу. И хотя криминала в ковырянии нет, все же гадко...

Когда добрались до третьего пояса охраны, дежурный лишь назвал их вслух незримо слушающему, сказал «слушаюсь», где-то что-то тронул, в стене медленно выявилась толстая стальная дверь овальной формы, ведущая то ли в подземелье швейцарского банка, то ли в противоатомный бункер.

Они с Дмитрием почти бежали по коридору, похожему на внутренности гигантского металлического червя. Мигали цветные огоньки, словно передавая их по эстафете. Снова проверка документов, звонок, металлический голос в трубке: «Проход разрешен», пальцы дежурного в ящичке стола, набирающие только ему известную комбинацию цифр.

Последняя дверь, Енисеев надеялся, что последняя, отъехала в сторону. Енисеев сглотнул слюну. Во рту было сухо, язык царапнул небо.

– Все, – сказал Дмитрий хрипло. – Здесь наш трамплин.

Енисеев видел огромный зал, нечто вроде помеси вокзала с пролетом ультрасовременного цеха. Он показался ему операционным залом для динозавров. Дмитрий быстро разделся, и Енисеев, нерешительно поглядывая на здоровяка, начал расстегивать пиджак. Из боковой двери выглянула девушка, сказала «ага», скрылась.

– Снимай, снимай штаны, – поторопил Дмитрий. – Не тяни!

Воздух пронизывали мощнейшие силовые поля. Вроде бы учуять их нельзя, но Енисеев все равно воспринимал и боялся. Боялся не Енисеев, доктор наук, трусила совокупность

инстинктов, избегающих близости просыпающегося вулкана, бегущих перед землетрясением, а при грозе забивающихся в нору.

В трех шагах перед изогнутым длинным пультом стояла квадратная ванна с толстыми стенками. Поблескивала матовая, словно политая жиром, вода, если, разумеется, это была вода. От ванны к пульту тянулись даже не провода – толстые кабели.

В зал быстро вошел крупный седой мужчина. Дмитрий выпятил грудь, попытался пристукнуть голыми пятками. Енисеев невольно подобрал живот, но досадливо поморщился. В каждом из нас сидит раб, а в его стране его еще и культивируют. Понятно, что военных не любит и боится, но все-таки тянуться перед ними не должен.

– Готовы? – спросил седовласый командирским голосом.

Енисеев кивнул, а Дмитрий отчеканил:

– Просим ускорить!

Седовласый нащупал кнопку на столе, чуть помедлил, глядя Енисееву в глаза. Взгляд у него был твердым, подбородок квадратным, словно их всех лепили по одной мерке. Енисеев нехотя отвел взгляд.

Вспыхнул яркий свет. В зал вбежали люди, быстро и накатанно расселись перед пультами, застыли.

Седовласый сказал отдельно:

– Переход в Малый Мир отнимает неделю. Возвращение – месяц. Но при ЧП придется рискнуть на экспресс– метод. Организм перестроится не полностью. Ну, даже лишь частично. Вам нельзя ни пить, ни есть. Впрочем, пить вроде бы не опасно, но проверить не успели. Вы сможете пробыть там столько, сколько продержитесь без еды.

– Понятно, – ответил Енисеев чужим голосом. – Эта ванна на двоих?

Дмитрий оскорбился:

– Ты не гомосек?

– Да вроде нет...

– Так что спрашиваешь? Я удавлюсь, но с голым мужиком в одну ванну не лягу.

Енисеев пробормотал:

– Я давиться не стану, но все же спасибо...

– Вон вторая, – сказал Дмитрий. – Заодно опробую. Ванну опробовать – это не танки. А ты полезай! Увидимся... может быть.

Он неприятно хохотнул, сделал зверское лицо. Енисеев перенес ногу через бортик. Подрагивающий студень начал обжимать тело, побежали мурашки. Краем глаза заметил двух женщин, и мурашки побежали гуще: он стеснялся раздеваться даже перед врачами.

Увы, к нему направилась именно женщина. Молодая, белокожая, с холеным высокомерным лицом. Он почти лежал в ванне, а она двигалась по направлению к нему на длинных ногах, еще и на высоких каблуках. При ее микроубке он рассмотрел ее трусики с выступающей, как противотанковый надолб, лобной костью, золотистым пушком на внутренней стороне бедер, словно у какой-то мутантки.

– Руку, – сказала она негромко.

– Что? – не понял Енисеев.

– Руку, – повторила она. – Только руку, сердце пока не требуется.

Он поспешно протянул руку, странный у них тут юмор, а женщина, бесстрастная, как машиноборочный агрегат, механически точно вонзила жало шприца в вену. Он поморщился, когда она нажала на поршень. Перед глазами все поплыло, она даже не успела прижать ватку со спиртом, как он погрузился в ванну, уже не чувствуя поддерживающих его рук.

Седовласый нетерпеливо посматривал на экран. Оператор крикнул:

– Первый блок готов!

– Второй блок готов, – ответил другой голос.

– Третий блок...

– Четвертый...

Когда отрапортовал двадцатый, седовласый скомандовал:

– Готовность – один! Даю отчет.

Зазвучал металлический голос:

– Десять секунд... девять... восемь...

При счете «ноль» седовласый тронул красную кнопку. Воздух на миг загустел, потерял структуру, стал видимым, но силовые поля вошли в резонанс с клетками человеческого организма, равновесие восстановилось.

Все смотрели на центральный экран. Погруженные с головами в жидкость, в невесомости плавали два обнаженных человеческих тела, которые начали долгое путешествие в Малый Мир.

Слабый зеленоватый свет. Чуть позже в сознание проникли странные звуки, непривычные запахи. Енисеев не двигался, но воздух все равно казался плотным, осязаемым, словно он лежал в теплой воде на мелководье, а легкие волны накатывали на лицо. Затем почудилось, что за кисейным занавесом, прошитым странно знакомой сетью красноватых жилок, видит движущийся силуэт.

С огромным трудом поднял веки. В двух шагах стояло странное существо. Человек, это явно человек, но полупрозрачный! Сквозь тонкую, как промасленная бумага, кожу Енисеев смутно видел все, что внутри: за белой решеткой ребер угадывается пульсация... ага, вот судорожно сокращается яйцеобразный багровый комок, от него идут толстые шланги, по которым прокатываются утолщения... Странно застыла бело-серая пена легких, смутно виднеются сизые комочки почек... Бедрa Дмитрия, это он собственной персоной, прикрыты шортами желто-серого цвета, сделанными словно из жести: не прилегают вовсе, оттопыриваются и жестко похрустывают.

Дмитрий настороженно посматривал по сторонам, косился вверх. Там тяжело громыhalo, двигались темные бесформенные массы. Енисеев ощутил, как оттуда опускаются тяжелые запахи. Знакомые, но все же неприятные.

Енисеев чувствовал, как трепещет от страха и напряжения. Покосился на руки, едва не вскрикнул. Сквозь тончайшую пленку кожи и розовую плоть проступают плотные кости, вздутые суставы, темные сухожилия, синеватые вены, видна даже крохотная сеть капилляров...

– Слаб я, да? – спросил он с неловкостью.

Собственный голос показался писклявым, нечеловеческим.

– С чего ты? – ответил Дмитрий таким же негероическим голосом.

– Лежу, как старуха...

Хотел подняться, непонятная сила тут же бросила вперед. Дмитрий посторонился, его движения были резкими, дергающимися. Енисеев пролетел, словно в замедленной съемке. Он видел, что его несет прямо на светло-зеленую стену, но ничего уже не мог сделать, только сгруппировался, словно за миг до автокатастрофы, обхватил руками колени и пригнул голову.

Его ударило... он едва не расхохотался истерическим смешком, сразу приходя в себя, и так же мягко отпустило к подножию. Это был необъятный баобаб, но непривычно рыхлый, словно слеплен из мягкого сыра, даже не сыра – истекающего сывороткой творога. По всей стене торчат редкие белесые волоски толщиной с мышинные хвосты. Внутри ствола нечто шевелится, двигается, переползает из одной плохо видимой камеры в другую.

– Замри! – велел Дмитрий испуганно. – Замри, не двигайся! Даже не шевелись!

Енисеев послушно застыл, раскинув руки и ноги. Он лежал на крупных глыбах с острыми как бритвы краями, но острые грани кожу не дырявили, даже не кололи. Вверху громыhalo, темные горы туч опустились ниже. Пахнуло теплом и странно знакомым запахом, хотя Ени-

сеев мог поклясться, что никогда раньше не слышал. Он скорее догадался, чем узнал Морозова. Там же, за гранью видимости, начальник оперативной службы, многочисленная команда, наблюдатели...

Он чуть повернул голову. Дмитрий сделал осторожный шаг, замер, сделал еще шаг. Движения его напоминали движения человека, который переходит реку. Пусть вода ему только до колен, но вот так же наклоняется слегка вперед, энергично двигает руками...

Между ним и бравым испытателем в плотных струях воздуха, ясно различимых, проплывали золотистые в солнечном свете гусеницы, мохнатые, причудливые. Некоторые шевелились, извивались. Воздух держал их, иногда приподнимал и уносил. Енисеев потрясенно узнал пылинки, бактерии, какие-то тончайшие, но явно живые нити.

Крохотные организмы, не крупнее его нынешнего пальца, дрейфуют в теплых слоях без каких бы то ни было плавательных... или летательных движений. Едва их уносило в тень, судорожными толчками выкарабкивались на свет. Самые крупные хватали добычу и опускались на дно, очень медленно продавливая воздух.

По лбу пробежали невидимые лапки. Енисеев дернулся, рука взвилась как подброшенная взрывом. Ладонь отскочила от лица, словно воздушный шарик.

– О, черт!

– Лежи и слушай, – велел Дмитрий все тем же торопливым истончившимся голосом. – Все прошло удачно. Мы уменьшились до размеров муравьев. Физика здесь другая, вы ж мирмя... мерми... в общем, специалист по муравьям. Здесь не место молоткам, ножам, пишущим машинкам, диванам...

Енисеев медленно сгибал и разгибал пальцы, шевелил руками. Учи, здоровяк, учи. Он раньше тебя побывал в этом мире. Когда наблюдал в лупу, в микроскоп. Ходил здесь, прыгал, общался, постигал язык знаков, невероятно сложные законы поведения обитателей... А что сперва так сдуру лбом в ствол чертополоха... или что это шевелит листьями в немыслимой выси, то лишь от неожиданности. Такое не повторится.

– Да-да, запоминаю.

– Хоть законы здесь другие, – напомнил Дмитрий, – но особой заботы о ближнем нет. Падай с любой высоты, но упаси боже прилипнуть к капле росы! Не попади под падающий камень или стебель. Даже если не задавит, то прижмет – не выберешься. Конечно, за нами наблюдают, но тут все на таких скоростях, что не успеешь сказать «мама».

В бок кольнуло, словно куснул комар. Енисеев инстинктивно хлопнул ладонью. Хлопка не получилось, невесомую руку снова брезгливо отбросило.

– Микробы, – прокомментировал Дмитрий. Он с беспокойством следил за Енисеевым. – Теперь старый эпителий не защита... Конечно, антибиотиками нас напихали под завязку, но вы все равно лупите. Я в дедовские методы верю больше.

Енисеев беспокоился, что нет потребности в дыхании. У высших насекомых вместо легких трахеи, а у них нет этих дыхательных трубочек, что пронизывают все тело. Или дыхание пойдет через кожу? Тогда полезет всякая дрянь, начнет вгрызаться в печень, почки, легкие... Справится ли щитовидка? И во рту уже нарастает сухость...

– Давай на «ты», – с неловкостью предложил он. Голос его истончился, стал резче, пронзительнее. – Мы практически ровесники. Да и условия полевые.

– Вот и хорошо, – отозвался Дмитрий с облегчением. – Без штанов какое на «вы»? Чего ты ежишься? Лови!

Енисеев медленно поднял руку, контролируя движения, вытянул пальцы. Шорты медленно поплыли по воздуху. На едва видимой тепловой струе подбросило, и в округлых дырах штанов, как в сдвоенный телескоп, мелькнули толстые мясистые листья молочая.

– В лаборатории выплавили сверхтонкую пленку, – пояснил Дмитрий. – Умельцы сшили штаны. Ну, те самые чудики, которые «Слово о полку Игореве» режут на конском волосе, а

в маковом зернышке делают велосипед. Еще и носы воротили! Мол, мы чистые эстеты, прикладными делами не занимаемся. Им настоящую работу дают, а они? Кому нужен велосипед в маковом зернышке? А штаны пригодятся.

– Еще бы...

– Мне пусть лучше руку откусят, – признался Дмитрий, – чем...

– А ты думаешь, – ответил Енисеев, – наши предки шкуры начали носить из-за холода?

ГЛАВА 3

Не поднимаясь, он натянул шорты. При каждом движении его подбрасывало. Дмитрий с растерянным видом смотрел на мирмеколога. Глаза могучего десантника медленно округлялись. Он покачал головой, голос задрожал от справедливого негодования:

– А я так верил! Так верил школьным учебникам!

– Школьные пишутся для детей, – пробормотал Енисеев. – Для воспитания. Если врут, то для пользы... Их надо вытеснять институтскими... затем...

– А институтские – тоже брехня?

– Тоже, – ответил Енисеев честно. – Только потоньше. И уровень повыше.

Умолк, потому что этот кинг-конг вряд ли даже школьные одолел до конца. Дмитрий с беспокойством посмотрел по сторонам, предложил:

– Теперь попробуй подняться. Не спеши... Но поторапливайся.

Енисеев медленно, не чувствуя веса, встал. На миг оторвало от земли. Качнуло. Попытался удержаться, но перестарался, швырнуло в другую сторону. Ему показалось, что падение длится уже час, наконец-то выставил руки, но вспомнил, что падений в Малом Мире бояться нечего... Падений на землю, не в лужу смолы.

Зато с ног сбивал даже не ветер, валило любое движение воздуха. Над головой мерно колыхалось толстое зеленое одеяло, с виду рыхлое, но странно не разваливающееся под собственной тяжестью. От него опускались холодные токи, видно было, как внутри шевелятся жгуты, двигаются соки. Даже заметно, как от поверхности листа отрываются мелкие капельки пара, медленно поднимаются вверх...

Пальцы ощутили жесткие волоски, но сама ткань напомнила водяной матрас, также простеганный на одинаковые квадратики. С той стороны плотной поверхности листа, изнутри, к пальцам что-то приблизилось и попыталось их не то куснуть, не то обнюхать.

Держась за край листа, несколько раз сильно взмахнул другой рукой. Осязаемо плотный воздух сопротивлялся, тугими струйками потек между пальцами. Нет, плотность ниже плотности воды, намного ниже, это сперва показалось, что он очутился в воде. Но все же прямоходящему здесь передвигаться труднее, чем тем, кто скользит над поверхностью... Вон у скоростных муравьев форма туловища обтекаемая, как у спортивных автомобилей...

Дмитрий встал рядом, его глаза настороженно шарили по сторонам. За спиной вздымалась необъятная стена металла, уходила в стороны, ввысь, там на нее ложился край неба. Это и есть переходная камера, откуда они появились, край Полигона?..

На огромной высоте, куда не достигало зрение, колыхались темные грозовые тучи. Изредка раскатисто громыхало. Каждый шаг, вспомнил Енисеев, фиксируется телекамерами. Специалисты начеку: спасти, помочь, выручить. Им кажется, что успеют всегда и во всем. Тем более что муравьи обычно не видят дальше собственного усика, остальные насекомые – ненамного лучше. Даже для Енисеева все различимо лишь шагов на двадцать-тридцать, а дальше расплывается, превращается в месиво форм и красок, цветной туман. Морозов с его командой – лишь грозовая туча, а его голос – отдаленное громыхание высотного самолета, берущего звуковой барьер.

– Подними руки, – сказал Дмитрий. – Расставь ноги... Пошире!

– А нагнуться не надо?

Из грозовой тучи медленно опускалась бесконечно длинная толстая труба. Основание терялось в темном тумане. Енисеев потрясенно узнал толстые, как вагоны, человеческие пальцы, зато конец трубы рассмотрел: исцербленный край из толстого, как броня танка, металла! А там, наверху, эта игла кому-то кажется тончайшей...

Из трубы очень медленно, едва заметно для глаза, выдвигалась блестящая сфера. Прошло несколько долгих минут, прежде чем начал оформляться огромный резервуар воды в тугом мешке ППН – пленки поверхностного натяжения.

Енисеев неторопливо топтался, координируя движения с изменившимися законами плотности и гравитации, а Дмитрий понимающе бросил:

– Потерпи. Здесь время течет иначе.

– Здесь течет так же, – буркнул Енисеев. Пояснил: – Для них и для нас течет иначе.

Над ними неспешно пролетела, завихряя плотный воздух, огромная туша. Два прозрачных крыла, покрытых сетью темных жилок, изящно месили воздух, совершая восьмерочные движения, отталкивались, фиксировали себя в воздухе. Туша толстая, мохнатая, к груди и пульсирующему брюху прижато шесть крючковатых лап, голова как башня, язычок дергается, а глаза такие огромные, что уже и не глаза вроде, а пчелиные соты, покрытые радужной пленкой...

– Видал? – крикнул Дмитрий. – В Большом Мире что-то вжикнуло бы мимо морды... А тут вся аэродинамика как на ладони!

Он тоже дергался от нетерпения, задирает голову. Резервуар наполнялся, раздувался, тяжело свисал, но ППН держала, только все больше растягивалась. Дмитрий сопел, клял какого-то Овсяненко, врача-дублера.

Наконец жидкости набралось столько, что огромный резервуар медленно устремился вниз. Перемычка лопнула с непривычно сухим звуком. Грушеобразный резервуар тут же в падении замкнулся в плотный, лепешечный, а не круглый с хвостиком, как рисуют падающую каплю и как подсознательно ждал Енисеев.

– Закрой глаза, – предупредил Дмитрий. – Малость пощиплет.

Влажная тяжесть обрушилась на плечи. Енисеев упал на колени, его прижало лицом к земле. Все тело вспыхнуло как в огне. Он вскрикнул, но боль ушла из тела так же быстро, как и появилась. Теперь кожа болезненно чувствовала каждое движение воздуха. Оглушенный, смутно ощутил на плече руку.

В сознание проник сочувствующий голос:

– Все-все. Кончено.

– Что это было? – прохрипел он.

– Грубо, да? Такая техника, а нас купают из обыкновенного медицинского шприца. Через иглу.

– Вода тоже обыкновенная?

– С добавками. Ты готов?

Енисеев поднялся, разбухший от воды, отяжелевший. Надо привыкать, теперь промокает в буквальном смысле насквозь. Если бы вода не ушла в землю, их не случайно окатили каплями на песке, то приклеился бы, как муха на липучке. Ждал бы, когда вода испарится. Даже мысли теперь идут вяло, заторможенно. Во всем теле начало щипать, будто и внутренности промыли йодом. Печень разбухла так, что подперла сердце, уткнулась в ребра.

– Побежали, – выговорил он с трудом. – Время здесь идет намного медленнее, но тоже идет...

– Идет, – согласился Дмитрий неохотно.

– В какой стороне видели вашего испытателя последний раз?

– Во-о-он там...

Енисеев передернулся от озноба, но теплый воздух уже начал проникать в тело. Мысли ускоряли бег, а мышцы задергались, требуя действия. Тепло вошло в тело удивительно быстро, прогрело его насквозь.

Мир был заполнен шелестом, стрекотанием, визгом, скрипом, писком. Проносились быстрые тени. Дмитрий осмотрелся, указал в сторону сине-зеленого тумана. Рука его показывала

лась ужасной, словно скелет указывал Енисееву дорогу к смерти. Он сделал первый шаг, сильно наклонившись вперед. Воздух здесь плотный, хоть и не дотягивает до плотности воды, надо продавливать. Он, Евлампий Енисеев, всего лишь эксперт-мирмеколог, специалист по муравьям, знаток мира насекомых, а Дмитрий Алексеевский – первопроходец вроде Колумба или Гагарина. Он здесь уже бывал...

Где и потерял напарника.

Енисеев сделал первый шаг. Очень осторожный, рассчитанный... и тут же сверху обрушился воздушный вихрь. Его сбilo с ног, отшвырнуло. Земля и мутное небо поменялись местами несколько раз, его несло как соринку, наконец застрял между каменных кристаллов вниз головой. Смутно удивился, не видит разницы, как торчать: вверх головой или вниз.

В трех шагах на кончик исполинской травинки сверху рухнул с жестяным треском сухих крыльев странный агрегат. Четыре слюдяных крыла, все – плотные, укрепленные темными жилками-склеритами, скрепленные цистерны брюшка, мощная толстая грудь размером с танк, огромная голова, где два фасеточных глаза занимают больше половины, страшная пасть, готовая мгновенно изжевать противника...

Стрекоза вздрогнула крыльями еще раз, а Енисеева, вырвав из расщелины, закатило под сухой стебель. Еще и забросало щепочками, булыжниками, что в Большом Мире всего лишь песчинки. Стрекоза тут же сорвалась, как будто ею выстрелили, унеслась, а воздух еще долго ходил струями, волнами, вихрями. Енисеева мягко толкало во все стороны, пытались поставить хотя бы на четвереньки. Замелькали оживившиеся микроорганизмы, засуетились, всем надо успеть пожить на крохотной турбулентии, в этом вся жизнь...

В поле зрения появился почти не просвечивающийся силуэт, налился красками. У Дмитрия по-прежнему выпячена нижняя челюсть, пальцы безуспешно ищут рукоять десантного автомата, а глаза высматривают противника. Нет, живую силу противника.

– Насчет микробов не твись, – заверил он слегка нервно. – Из шприца окатят по дороге еще не раз! Пока не придумают что-то лучше. Понимаешь, нам надо, надо умыть по утрам и вечерам, как... ну, всякие там жучки и паучки.

И здесь меня учат, подумал Енисеев. Администратор учил мирмекологии, жена учила жизни, городской транспорт – выживанию, коллеги – дипломатии, продавцы – смирению... Видимо, это и есть андропедия – наука о воспитании взрослого человека.

Он осмотрелся по сторонам, стараясь поскорее вжиться в атмосферу этого мира. И так, по стволам и стеблям ползают, прыгают, скачут гигантские существа. Листья не проламываются, не прорываются, но все-таки этот мир правильнее, богаче, настоящее, чем тот, где всем правит гравитация. Нелепо, но именно этот мир правильнее, естественнее. Правда, об этом говорить вслух нельзя, его и так считают немножко кукукнутым.

На свисающем стебле, мимо которого прошли, сидит толстенькое, как винный бочонок, насекомое. Суставчатые усики ощупывают зеленое, разбитое на крупные ячейки поле. Под полупрозрачной кожей растения медленно струятся ясно видимые соки. Хлоропласты, творя фотосинтез, передвигаются по кругу, как заключенные на прогулке. Неопознанное насекомое без усилий вонзило длинный хоботок в мембрану клетки, Енисеев видел, как сок потек по этой трубочке, послушно и без усилий.

За толстыми стволами мелькнуло длинное полосатое тело, шелестнули десятки спаренных ног. Над головой пронеслась эскадрилья жуков, а под землей чувствовалось движение гигантских животных.

– Вот тебе Марс, вот и Венера, – бросил Дмитрий с нервным смешком. – Каждый будяк для нас стал деревом, а жучок или блошка – это слоны, коровы, медведи...

– Ошибка, – бросил Енисеев на ходу.

– Точно, – возразил Дмитрий. – Разуй глаза!

Самоуверенность испытателя-десантника раздражала, как и его вздутые мускулы, выпяченная челюсть, картинная фигура. Енисеев сказал лекторским тоном:

– А ты видел, чтобы на каждом дереве сидело по восемьдесят медведей, коров, страусов? На этом будяке, да и вон там – штук пятьсот тлей. Это муравьиные коровы. А еще трипсы, листоблошки, паучки, божьи коровки, сиффиды, моллюски... Здесь за день увидишь тысячу животных, и ни один вид не повторится.

– Ого!

– В том мире, который оставили, – спросил Енисеев, – такое возможно?

Челюсть Дмитрия отвисла так, что едва не загребал ею землю. Енисеев с осторожностью прошел мимо полупрозрачного стебля, за тонкой кожей которого мощно двигался от земли сладкий сок. Клетки пульсировали, как расширяющиеся и схлопывающиеся вселенные, а темные островки цитоплазм, закутанные в силовые поля микроэнергий, хаотично двигались из стороны в сторону, отыскивая слабые места в межклеточных мембранах.

Внезапно сверху обрушилось жгучее тепло. Енисеев чувствовал, как его ноги едва сделали два шага по залитой солнцем поляне, как жар проник в самую глубину тела. Сердце, легкие, печень тут же ощутили резкий перепад, в голову бросилась перегретая кровь. Мысли помчались галопом, а сухожилия болезненно напряглись.

– Незадача, – услышал он злой голос Дмитрия. – Мы ж не рассчитаны ходить под солнцем!

– Придется...

– Вчера небо было пасмурное, а сегодня не должны...

– Перегрев для нас опасен, – крикнул Енисеев, – но твоему другу, возможно, еще опаснее...

Он повернулся к Дмитрию, отшатнулся. Вместо десантника шло стереоскопическое рентгеновское изображение! Сквозь нежно-розовую плоть четко проступили темные кости, за изящным частоколом ребер часто дергается темно-багровый комок, от него толчками идет по голубоватым жилкам кровь. По широким – алая, по тонким – потемнее. Вдвухается пенящаяся масса легких, шевелятся полупрозрачные шланги... Енисеев с трудом узнал в коричневом мешке печень, в синевато-серых комочках – почки, отыскал взглядом селезенку.

– На себя оборотись, – хмыкнуло рентгеновское изображение. – Наглядное пособие по вымирающему виду – гомо интелю! Полудохлое уменьшенное сердце, увеличенная печень, искривленный позвоночник, камни в почках, бульжники в печени, мельничьи жернова в желчном пузыре... А посмотри на собственный вздутый аппендикс!

Похоже, он промолчал о быстро нарастающей сухости во рту и во всем теле, но взгляд сказал больше, чем послушный дисциплине язык. Он знает, понял Енисеев, о смертельной опасности простейшего перегрева. А здесь, чтобы схватить тепловой удар, вовсе не требуется лежать на солнцепеке часами, как было в Большом Мире. Впрочем, подумал Енисеев сердито, этому десантнику платят за риск. Он получает в десятки, если не сотни раз больше, чем он, доктор наук... Наверное, получает.

ГЛАВА 4

Над головами загромыхало громче. Енисеев по знаку Дмитрия остановился рядом с ним на желтых кристалликах песка. Они накалились так, что ступни прижгло как железом. Енисеев стиснул челюсти, терпел, рядом что-то успокаивающе кричал Дмитрий. Перед глазами полыхал ослепительный оранжевый свет. Он проникал сквозь бесполезные веки, которые здесь не спасали даже от пыли, впивался острыми иглами в мозг.

– Держись!

Енисеев напрягся, но влажная тяжесть все равно свалила, вжала в камни, распластала. Он чувствовал, как его тело сразу разбухло, напитавшись водой. Отяжелевшее сердце перестало трепыхаться, сокращалось медленно, с паузами, едва-едва проталкивая разжиженную кровь по венам, которые не стали шире.

А потом тяжелая вязкая вода вокруг начала опускаться между камнями. Из его тела избыток тоже просачивался сквозь кожу и уходил со всей каплей. Потом он несколько мгновений лежал, приклеенный водяной пленкой. Наконец та под стрелами солнца лопнула, Енисеев поспешно поднялся и быстро перебежал под тень высокого растения с широкими листьями.

Дмитрий прибежал следом, быстро огляделся.

– Ты даешь!

– Что? – не понял Енисеев.

– Быстро схватываешь.

Спасибо, подумал Енисеев неприязненно. Конечно, самые умные и быстросхватывающие люди в мире – это подобные десантники и прочие военные, а уж потом всякие там академики, доктора наук и прочая интеллектуальная шелуха. Потому первыми в этот мир и пошли вот эти, с мускулами...

Отпрыгнул, уступая дорогу желтоватой моркови размером с цистерну. Вместо ботвы шевелятся четыре мохнатых усика. Глаз нет, рта за щетинками не угадать. Так и проползло, волоча бледные корешки, еще больше увеличивая сходство с морковью, не видевшей света.

– Щетинохвостка, – сказал Енисеев невольно. – Древнейшее существо. Еще в мезозое жило.

– В мезозое? – спросил Дмитрий уверенно. – Это не так давно.

– Полагаешь?

– Знаю, – ответил Дмитрий еще увереннее. – В детстве пели: «Помнишь мезозойскую пещеру? Мы с тобой сидели под скалой, ты на мне разорванную шкуру зашивала каменной иглой...»

– Здорово, – согласился Енисеев. – Это характерно для вашего ведомства – промахиваться на пару сот миллионов лет?

Весил он так мало, что мышцы то и дело швыряли его в воздух. Зависая там, чувствуя себя особенно уязвимым, падал на острейшие грани кристаллов, замирал в панике: ведь кожа истончилась...

Дмитрий на ходу подпрыгнул, сделал сальто, повис вниз головой, ухватившись пальцами ног за край травинки размером с балку подъемного крана.

– Возьми на вооружение, – посоветовал он. – Малый вес позволяет разные трюки. Стойка на мизинце – плевое дело. Учти, вдруг да придется.

Енисеев спросил напряженно:

– Я понимаю, секретность, допуски... Но ты можешь хоть намекнуть, что же случилось с вашим испытателем? Как и куда шел? Что вы собирались делать?

– Ну, – промямлил Дмитрий, – это сказать сложно...

– Я не хочу влезать в ваши тайны, – повторил Енисеев напряженно, – но легче найти человека, если знать, что вы собирались делать.

Он откатился, мимо просеменила колышущаяся перевернутая тарелка. Под ней беспорядочно шевелилось множество ножек разной длины. Некоторые даже не дотягивались до земли. В самой тарелке перемешивались, повинуюсь осмотическим законам, зеленовато-желтые соки.

Дмитрий буркнул невесело:

– У Сашки это первый выход в микромир. А я здесь уже бывал. Я не романтик вроде Сашки, головы не теряю. Как только что-то показывалось, я, повинуюсь инструкции, которую сам же помогал сочинять, сразу – за стальную дверь! Через неделю мне разрешили отойти от Переходника на двенадцать – да-да, ровно двенадцать! – шагов. Я не сделал тринадцатого. Кто знает, может быть, именно поэтому еще цел. Сашке после меня было поручено обследовать ма-а-ахонький участок. Все шло нормально, но откуда ни возьмись – муравей... Ахнуть не успели, как он цапнул Сашку и понес. Конечно, Полигон готовили по высшему допуску: жаб, ящериц, не говоря о мышах или кротах, истре... удалили, но муравьи откуда-то взялись сами! Наблюдатели клянутся нашивками, что не было массового перехода муравьев через охраняемую границу Полигона. Вообще их тут не было.

– Массового перехода и не надо. Достаточно приземлиться молодой самке после брачного полета...

– Полигон накрыт тремя слоями крыши. Даже противоатомной защитой!

– А она перелетела еще прошлым летом. Год назад! Тут же зарылась, осень откладывала яйца, зиму растила, а поздней весной первые муравьишки, самые мелкие и слабые, робко... очень робко!.. начали выходить из-под земли. Какой вид муравья?

– Лазиус фулигинозиус, – отчеканил Дмитрий.

Енисеев посмотрел с уважением, потом вспомнил, что за каждым шагом испытания следят десятки специалистов так называемого народного хозяйства, которые имеют допуски.

– Нору засекли?

– Еще бы. Мурашник растет не по дням, а по минутам! – В голосе Дмитрия звучала тревога. – Есть шанс, что Сашка не погибнет?

– Что значит не погибнет? – переспросил Енисеев. – Был бы ваш испытатель жив. Отнять у муравья не пробовали?

– Пробовали, – ответил Дмитрий с унынием. – Но, как бы сказать... Ты видишь, какие мы нежнотелые? А муравей – как живой танк. Прет напролом, держа Сашку в челюстях. Чуть что не так, сожмет челюсти...

– Жвалы, – поправил Енисеев невольюно.

– Что? – не понял Дмитрий.

– У насекомых не челюсти, а жвалы. Но пусть челюсти, извини, что перебил.

– Нет, пусть жвалы. Надо привыкать. Пока мы примеривались да прицеливались, муравей скрылся... Сашке пришлось барахтаться в одиночку, я стоял рядом с Морозовым наверху! Понимаешь, каждый запуск сюда обходится дороже, чем полет до Луны и обратно. Даже если брать с высадкой!..

Их движения замедлились, сердца стали трепыхаться реже, кровь перестала подогреваться, это они вошли на участок, накрытый тенью от листа молочая. Дмитрий двигался уже почти как человек, а не рентгеновский снимок, но едва вышли на солнце, как сразу в голову ударил поток прогретой крови, мышцы стали бросать тело выше, а Дмитрий превратился в инопланетянина.

В зарослях гигантских листьев, что величаво покачивались в потоках теплого воздуха и зависали в нем мыслимых для мира нормальной гравитации положениях, постоянно стрекотало, шевелилось, прыгало.

На лице Дмитрия выступили багровые пятна. Енисеев спросил обеспокоенно:

– С тобой все в порядке? Насекомых защищает хитин, а мы открыты...

Дмитрий отмахнулся:

– Меня все время тут жжет, там кусает, здесь чешется. За всем не уследишь. Как ты?

– У меня жар.

Дмитрий ахнул:

– Так чего все время выскакиваешь на солнцепек?

– Меньше микробов, плесени.

– Мы не только тонкокожие, но и тонкотелые. Солнечные лучи запросто поджарят нам печенку, не вынимая из требухи. С жареной печенью далеко не прошагаешь. Тошноты еще нет?

– Уже, – признался Енисеев. – Вот-вот свалюсь.

Дмитрий прыгнул вверх, словно его вздернули. На Енисеева обрушился мягкий обволакивающий удар, навалилось упругое подрагивающее прохладное животное, похожее на огромную амебу, вжало в землю.

Он уткнулся лицом в почву, задержал дыхание. Тяжесть исчезла так же внезапно, как и появилась. Енисеев осторожно вскочил. На земле вокруг него медленно опускалась в почву, пузырясь между камешками, влага. Над головой еще колыхался широкий лист, жемчужными пузырьками блестели упавшие шарики росы.

– Как ты быстро реагируешь, – сказал он Дмитрию уважительно.

– Спасибо, – ответил Дмитрий мрачно.

– Что-то не так?

– Местные зверюги реагируют быстрее, – ответил Дмитрий неохотно. – Держи ушки на макушке. Сейчас жара спадет. Часть воды впиталась, а больше тебе и не надо.

Енисеева знобило. Руки и ноги потяжелели, все тело напиталось влагой, как ненасытная губка. Сердце трепыхается, как пойманная бабочка, сбивается с ритма. Дмитрий выволок мирмеколога на солнце, заставил пробежаться. Енисеев двигался, с головы до пят покрытый водяной пленкой, словно марсианин в скафандре. Ему все еще казалось, что капля, упавшая с листа, живое существо. Слабое, беспомощное, не умеющее передвигаться, но живет, защищается пленкой ПН...

– Ты бы видел себя, – ворвался в его мысли голос Дмитрия, прозвучавший с мрачным сочувствием. – Отек, рожу перекосило... Ничего, не переживай. Это ненадолго.

– Да знаю, знаю, – ответил он торопливо.

– Только, когда высохнешь... будет похуже, – успокоил Дмитрий.

Оба испытателя, как объяснил Дмитрий на ходу, ранее числились по ведомству космонавтики. Когда ученые одного НИИ приоткрыли дверцу в Малый Мир, пришлось пригласить для испытания Переходной установки испытателей-профессионалов. Или их навязали ученым, если уж совсем честно, но это не важно. Среди рано сгорбившихся и облысевших научных работников появились широкогрудые парни со вздутыми мускулами, молниеносной реакцией, натренированностью на выживание. Первое время они шатались по институту, приставая к лаборанткам и клеясь к молоденьким ученым, но однажды их запрягли в работу...

– Теперь мы здесь, – закончил Дмитрий рассказ, – и не жалеем. Даже обрадовались. Чтобы попасть на Венеру, пришлось бы полтора года ждать хлореллу в тесной ракетке, терпеть муки, кошмары...

– Но полет на Венеру того стоит.

– Да, конечно. Но сперва мы по два года... это для страховки с запасом, жрали бы эту хлореллу на Земле, в имитаторе! А потом из двух десятков кандидатов отобрали бы всего двоих. А что, если я оказался бы в числе остальных восемнадцати?

– Ложись! – крикнул Енисеев.

Дмитрий мгновенно упал ничком. Для этого пришлось не просто рухнуть, так бы рухал с полчаса, а буквально нырнул, как пловец в вязкую воду. Енисеев замешкался, едва успел отскануть за толстый стебель. Что-то с чмоканьем ударило в лист. Там зашипело, словно на раскаленную сковородку плеснули водой. Лист величаво колыхнулся. Зазубренный край мягко пихнул в плечо.

– Отползай! – закричал Енисеев. – Задержи дыхание, беги на голос!

В воздухе в их сторону поплыли струи желтоватых крупинок с металлическим отливом. Енисеев нечаянно заглотнул одну, в горле запершило, гортань обожгло. Он непроизвольно закашлялся, заставил себе перебежками выбраться на чистый воздух.

Из-за камня вынырнул Дмитрий. Глаза его были вытарашены, как у совы, лицо налилось кровью. Он добежал до Енисеева, все еще послушно задерживая дыхание, на пальцах показал, что уже задыхается.

– Здесь чисто, – сообщил Енисеев.

Дмитрий с шумом вдохнул воздух в мощную грудную клетку. Воздушные струи круто изогнулись, изменили высоту, хлынули в раскрытый рот, увлекая крошечные молекулы запахов цветов. Дмитрий закашлялся.

– Ой... выворачивает!

– Палочник. Странно...

– Что-то не так?

– Да. Обычно он бьет без промаха.

– Сноровки нет, – пробурчал Дмитрий. – Салага!

– Или просто еще не видел двуногих. Не выработал рефлекса.

– Рефлекс – это я понимаю, – согласился Дмитрий. – Все наше учение на рефлексах. Десантнику мозги вовсе не нужны, а то начнет умничать, тут его и прихлопнут. А выхватить пистолет и выстрелить должен каждый на рефлексах. Еще до того, как сообразит, что делает... Где он притаился?

Енисеев с отвращением отодвинулся от героя-десантника, который все делает на рефлексах, в то время как некоторые насекомые, вроде муравьев или ос, все же немного думают.

– У него маскирующая окраска, – объяснил он нехотя. – Ты дыши глубже, проветривайся. Все-таки часть этой дряни могла просочиться сквозь кожу.

– У меня кожа дубленая!

– В этом мире нет зверей тонкокожее, чем мы.

В двух шагах раздался страшный вскрик. Захрустело, словно многотонный пресс сминал автомобиль. Рука Дмитрия дернулась к бедру. Заметив иронический взгляд мирмеколога, буркнул:

– Не могу привыкнуть. Оружейники простейший пистолет не сделают! Ходи теперь и трясись как заяц. А сюда не пистолет, гранатомет бы в самый раз...

Над головами, раздирая плотный воздух, что-то пронеслось, как огромный булыжник. Пахнуло горячим. Енисеев цапнул Дмитрия в охапку, метнулся в заросли. Если так и дальше, подумал испуганно, то куда уж там искать пропавшего, самим бы уцелеть...

Он опустил Дмитрия на землю:

– Нас заметил динискис маргиналис.

– Кто-кто? – переспросил Дмитрий глухо. Глаза он отводил с неловкостью, его готовили быть спасателем, а не спасаемым. Тем более чтобы спасал дохлый интеллигентик.

– Жук. Выстрелил кортексоном. У него кортексона столько, сколько в тысяче трехстах коровах. Только у коров кортексон регулирует водно-солевой обмен, соотношение ионов калия и натрия...

Голос Дмитрия от негодования стал похожим на писк:

– Ты не псих?... Сам – корова! Вредно это или так, перебежся?

– Если в Большом Мире попало бы на кожу, гарантирую незаживающую язву... месяца на четыре.

– Ясно. Таких, как мы, накроется дивизия. Этот тип подслушал про огнемёт! Неужели нам, царям природы, идти перебежками? Укрываясь от огня противника?

ГЛАВА 5

Енисеев проговорил напряженно:

– Почему бы руководству не перенести нас от Двери прямо к муравейнику? На щепочке, на соломинке.

– Ну... понимаешь, наблюдатели не успели увидеть, когда и где Сашку затащили в нору. Там лопухи, трава, чертополох... Есть авторитетное мнение, что могла быть потеря по дороге. У нас это бывает. Потому мы с тобой и прем тем же путем, каким должен был бежать тот чертов муравей. А ось отыщем раньше. Чтобы не лезть в мурашник.

– Авторитетное мнение, – проворчал Енисеев с тоской. Настроение портилось. Думал, хоть здесь, среди меднолобых, меньше бюрократизма, а они... «Авторитетное мнение»! Мнение чиновника всегда авторитетнее мнения любого специалиста.

– Глупость, – сказал он. – Если даже потерялся... Можно отскочить в сторону.

– И все? – спросил Дмитрий неверяще.

– И все.

– А муравей не хватанет еще крепче?

– Муравей тут же теряет из виду, – объяснил Енисеев. – Эти муравьи почти слепые! Правда, все равно можно попасть другому в жвалы. Муравьи все время прочесывают, просеивают, просматривают охотничью территорию.

– Понимаю, – сказал Дмитрий невесело. – Но есть шанс, что Сашку муравьи могли не заметить?

– Есть.

– Тогда будем идти тем же путем. Вдруг да удалось вырваться? Лежит, ждет помощи...

Впереди показалось величиной с дачный домик светло-коричневое яйцо желудка. Над ним висел, беспомощно перебирая в воздухе лапами, огромный полосатый жук. У него был длиннющий нос, вдвое длиннее туловища. Этим удивительным носом некий великан воткнул жука в желудь.

– Бедный насекомый, – проговорил Дмитрий пораженно. – Кто это его?

Он настороженно огляделся, словно злой шутник уже приближался и к ним. Даже потрогал свой нос, снова огляделся, измерил взглядом нос жука.

– Самка откладывала яйца, – объяснил Енисеев на ходу, – а хоботок нечаянно спружинил, распрямился. Такое бывает. Желудь как отполированный, лапами не зацепишься.

– Да, блестит, как лысина...

– Пойдем, не оглядывайся...

Дмитрий все же оглянулся, в голосе было сомнение:

– Помочь бы? Самка ведь! Самцу бы не стал, мужик должен сам...

Послышался частый шорох, в десятке шагов впереди высунулась гигантская голова. Зазубренные челюсти лязгнули, раздвинулись острые серпы. Из-за стебля выдвинулось длинное тело, похожее на рассеченный по оси шланг противогАЗа. Под каждой полусферой шевелились когтистые лапы, в каждом сегменте просвечивало пульсирующее темное сердце.

– Сколопендра! – воскликнул Дмитрий.

Кивсяк метнулся в их сторону. Возле Енисеева блеснуло, с хрустом сомкнулись жвалы. Толчком его подбросило, кивсяк завертелся по кругу, словно догоняя задний сегмент с торчащими волосками.

– Сюда!

Дмитрий висел на краю листка. Кивсяк развернулся к Енисееву, тот со всех ног бросился к Дмитрию. Многоногое чудовище ринулось следом. Плотный воздух ему не мешал, хищник этого мира прижимался к земле, как гоночный автомобиль.

Енисеев оглянулся, ноги слабели. Чудовищное насекомое показалось живым компьютером, движения механически точные, отлаженные. Глаза без всякого выражения следят за убегающим человеком, что всего лишь добыча. Ротовые мандибулы разомкнулись, открыли вход в длинный темный тоннель. Из нижних моксилов начала стекать желтая слюна.

– Быстрее! – орал Дмитрий.

Он поймал подпрыгнувшего Енисеева за волосы, вздернул к себе. Вместе перебежали желтое поле цветка, стучаясь о тычинки, доходившие им до пояса, подняли желтое сладкое облако.

Сзади захрустело. Кивсяк, похоже, взбирался по стеблю растения. Дмитрий прыгнул с края яркого лепестка. Енисеев бездумно бросился следом.

Внизу загадочно мерцала... темная поверхность озера! С этой стороны цветок склонился к воде, до нее совсем близко, но Енисеев в страхе словно завис в воздухе, опускался медленно, гораздо медленнее, чем в Большом Мире опускался бы на парашюте.

Он пытался ощутить страх еще и перед высотой, но не сумел. Поверхность приблизилась, он упал на воду, на всякий случай еще в падении повернулся, раскинул руки, стараясь опуститься плашмя.

Под ним чуть прогнулось, желеобразная вода беспокойно дрогнула. Ощущение было таким, словно он лежал на прогретом солнцем водяном матрасе. Однако из глубины тянуло космическим холодом. Этот холод не поднимался к поверхности, вверх лежал прогретый солнцем слой, но Енисеев чувствовал беспощадную угрозу из глубины.

Дмитрий в трех шагах, в подражание Енисееву тоже раскинул руки и ноги, словно все еще летит в затылочном прыжке из стратосферы. Желтая пыльца, налипшая при беге по цветку, добавочно бережет от смачивания. Вода вокруг них шевелится, подрагивает, а под их телами прогибается. Ощущение было таким, словно они лежат на тугом киселе, накрытом толстой полиэтиленовой пленкой.

Енисеев с каждым мгновением чувствовал, как прибывает уверенности в его заячью душу. Герой-десантник явно боится даже дышать, а не то что шелохнуться на дне этой подрагивающей чаши! Видно только затылок и мускулистую спину за изогнутым линзой краем. Весь облеплен комочками желтой пыльцы, где даже сейчас мирно копошатся крохотнейшие жучки и клещики.

– Двигайся осторожно, – крикнул он Дмитрию. – Не порви пленку!

– Ага, не порви... – ответил тот нервно. – Как?

– Просто не проткни.

Под пленкой поверхностного натяжения, которую он из-за частого упоминания привык называть ППН, нечто шевелится, колыхается, в глубине вод медленно проплывают огромные пугающие тени. Только бы не ткнуть растопыренными пальцами, не упереться локтем...

В сторонке начала перемещаться впадина, слышалось сопение и покряхтывание. На середине озера Енисеев встал на четвереньки, Дмитрий удивленно ахнул, но пленка мирмеколога выдержала, хотя прогнулась сильнее. Впечатление, что он идет по исполинскому водяному матрасу, усилилось.

Енисеев сперва шел медленно, потом ускорил шаг. Наконец осмелел, двинулся длинными скользящими шагами, подражая водомерке. Возле берега встал и, балансируя и не отрывая подошв от воды, приблизился к коричневой обрывистой стене. Пальцы коснулись свисающего корня, подтянулся, ноги с легкостью отделились от воды.

Дмитрий тоже поднялся с четверенек, но то ли решил идти строевым шагом или еще почему, только пленка под ним беззвучно лопнула. Он уперся ладонями о воду, задержался, торча как поплавок. Уперся сильнее, выволок себя до коленей, но упал ничком.

Енисеев висел на корешке, подавал советы. Дмитрий лег грудью, с усилием вытащил руки, начал освобождать ноги... Лицо налилось кровью. За подошвами Дмитрия медленно тянулась стеклоподобная масса. Дмитрий начал отбрыкиваться, снова провалился.

Кое-как доползши до берега, он начал тонуть по-настоящему. От пылицы не осталось следа, комкообразная вода начала проникать под кожу. Енисеев тянулся к нему, Дмитрий барахтался совсем рядом, ложился, как на гибкую льдину.

В последнем усилии он выбросил вверх руку, Енисеев ухватил разбухшие пальцы, покрытые клееобразной массой, потянул. Корешок потрескивал, посыпались камни.

Стеклянная перемычка между Дмитрием и озером истончалась, истончалась... Енисеев хрипел, легкие не справляются, он с неприятным чувством ощутил, как дыхание начинает идти и через кожу. Наконец перемычка с мягким лопающимся звуком оборвалась. Прозрачный столбик нехотя и очень медленно опустился в озеро, от него пошло колечко, неспешно утонуло, и поверхность стала невозмутимой.

Дмитрий стоял, словно облитый застывающим гуммиарабиком. Он трясся от холода, его корчило, дергало. Могучая мускулистая фигура деформировалась, распух весь, особенно живот с его свободными полостями, но даже внутренние органы увеличились, сместились, изменили цвет.

Енисеев поднял голову. Тучи сверху полностью закрыли небо. Там поблескивает, грохочет, раскаты тяжелые, перекатывающиеся. Странновато, ведь как бы ни происходило здесь все быстро, почти молниеносно... с точки зрения людей Большого Мира, но чтобы не успеть среагировать... Нет, там что-то произошло!

Дмитрий поднял руки, потряс над головой. Тучи медленно отодвинулись, на землю хлынули солнечные лучи. От Дмитрия сразу начали подниматься темноватые струйки водяного пара.

– Вот так-то лучше, – пробурчал он. – Раз уж не смогли отогнать эту серпомордую... хоть солнце не застите! Так вроде бы сказал Диоген Александру Филиппычу?

– Вроде того. А почему не смогли отогнать?

– Бог их знает... Может быть, что-то в программе изменилось?

– Странные у вас порядки, – заметил Енисеев сердито. – Могли хотя бы вытащить нас из воды. Не на прогулку вышли!

Дмитрий пожал плечами, смолчал, но лицо его было обеспокоенным. Теперь он посматривал вверх чаще обычного. Разноцветные разбухшие органы вскоре заработали в прежнем режиме, словно в организм вовсе не вторгалась масса холодной воды, в этом мире вязкой как клей. Крепкий парень, ничего не скажешь. Наверняка обучен вышибать двери, освобождать заложников, прыгать с летящего вертолета... Только не обучен сомневаться в старшем офицере.

– Та не погонится? – поинтересовался Дмитрий. Он оглядывался на каждый шорох. – Что ей пробежаться вокруг озера!

– Это надо сообразить, а ей соображать не дано. С глаз долой – из памяти вон. Она давно о тебе забыла.

– Я не в обиде! Жаль, не смогу ответить тем же.

– Погнаться за нею?

– Да нет, забыть.

Да и не дадут, подумал Енисеев, успокаивая себя. Что бы там ни случилось у наблюдателей, но второй раз будут начеку. Хотя вся эта погоня, прыжок в озеро, выбарахтывание заняли в том мире секунд двадцать, все-таки замешкались чересчур...

Когда догнали толстого белого червя, что с трудом переползал от одного разлагающегося стебля к другому, Дмитрий, разряжая нервы, дал здоровенного пинка. Червяк задержался, заспешил, а Дмитрий еще пару раз пнул эту перепуганную личинку падальной мухи. Енисеев

пристыдил, напомнил, что они – люди, но, когда через минуту на дороге попала вторая такая же личинка, Енисеев сам не удержался, пнул. Нога погрузилась в холодновато-студенистое тело, похожее на скисшее молоко в грязном целлофановом пакете. Его отбросило, он сделал сальто, упал плашмя.

Дмитрий хмыкнул с пониманием: доктор наук, а тоже человек!

Странно утоптанная – по-человечески утоптанная! – тропа ныряла под огромные, как теннисные корты, листья, неохотно огибала стебли, всячески пренебрегала рельефом, вплоть до того, что шла через огромные камни, когда можно было пройти рядом. В этом безгравитационном мире проще перебежать через отвесную стену, чем обойти ее даже по небольшой дуге.

Животных, как бегающих, ползающих, скачущих, так даже и летающих, стало намного меньше. Енисеев уловил слабый, приятно возбуждающий запах муравьиной кислоты, понял причину. Присмотрелся – в воздухе мерцают лиловые шарики, медленно поднимаются. Сама тропа чуть темнее, чем земля по обе стороны. Енисеев потянул воздух жадно распахнутыми ноздрями. По телу сразу пробежала предостерегающая дрожь. На миг словно на экране отчетливо увидел множество блестящих тел, распахнутые челюсти, подрагивающие в нетерпении брюшки с металлическим отливом.

– Что это у тебя вся шерсть поднялась? – вскрикнул Дмитрий.

Видение сразу исчезло, Енисеев выговорил дрожащим голосом:

– Лазиус фулигинозиус! Мы уже близко. Теперь с курса не собьемся. В случае чего поправят. Ну, эти...

Он кивнул на тяжело передвигающиеся вверху тучи. Дмитрий спросил напряженно:

– Думаешь, Сашка у этих... лазиусов?

– Эти ребята прочесывают все заросли. В муравейник сносят и живых, и полуживых, и давно мертвых. Эти муравьи, к счастью, спокойные, мирные. Живут большими семьями в дуплах живых деревьев. Там, внизу, в подземной части... У муравья нервный узел в голове меньше макового зернышка. Это весь его мозг! Перехитрить его просто.

Дмитрий с сомнением покачал головой. Хитрость – удел слабых, говорил его жест. К тому же знать бы точно, какого размера нервный узел у него самого...

Протоптанная дорожка разветвилась на три тропки. Вдруг бесшумно и быстро, как вспышка молнии, впереди возник огромный, с пожарный автомобиль, ярко-красный гигант-муравей. Приподнявшись на всех шести лапах, блестящий, будто выточенный из металла, он замер в угрожающей позе, раздвинув острейшие жвалы. Усики-сяжки быстро щупали воздух.

Дмитрию он показался самонаводящейся торпедой. Закованный в литой, отливающий металлом хитин, готовый в любой момент метнуться в любую сторону, муравей настороженно покачивал выпуклой головой, перехватывая и анализируя сигналы, отправляя в память, сопоставляя, ожидая команды из компактного мозга. Суставчатые антенны умело, даже мастерски всажены на шарнирах в ямки между глазами, на тонких кончиках шевелятся метелочки жгутиков.

– Запоминай, – велел Енисеев шепотом. – Двенадцатый членик антенны различает запахи родного гнезда, одиннадцатый воспринимает следы на тропках, десятый определяет врагов...

Дмитрий кивал, запоминая. Енисеев быстро сообщил о фасеточных глазах, «лупе времени», сдвинутом цветовом спектре и круглых запахах, шершавых и гладких расцветках...

– А как насчет слуха?

– Не бойся, муравьи глухие.

– Совсем?

– Глухие совсем, но...

– Но что?

– Каким-то образом воспринимают если не звуковую волну, то движения молекул в ее центре... Так что без глаз и ушей все же видят и слышат.

– Здорово! А каким образом, говоришь, воспринимают звуковую волну?

– Неким, – повторил Енисеев терпеливо.

– Ага, теперь все понятно.

Муравей загнул брюшко, старательно чистил сяжки, протаскивая их через сомкнутые жвалы и часто-часто покусывая. Так же тщательно прочищал щетками ножек дыхальца, протирал глаза. После сухой чистки вымыл хитиновый панцирь язычком, солнечные зайчики тут же запрыгали по угловатой груди, блестящим суставам голенастых ног.

Дмитрий проговорил шепотом, не очень-то веря в глухоту такого совершенного зверя:

– После той мезозойки... это же человек!

– Как это? – не понял Енисеев.

– Ну... Здесь и мы такими же стали бы, поживи пару миллионов лет. Смотри, как стоит, сяжками машет! Я бы точно так же... Ну, если бы стал муравьем.

Попал в точку, подумал Енисеев. Мало кто знает, что соотношение массы мозга и тела у муравья такое же, как у собаки, но муравей может обучиться большему. Какой был бум вокруг дельфинов! Разумные, как же... Муравьи куда разумнее, но их еще открывать и открывать надо.

Красный муравей повел влажной щеточкой по глазам, огляделся, выворачивая плечи, как скрипач. Вдруг из-под лап у него беззвучно вылетели камешки, муравей исчез. Енисееву показалось, что через голые подошвы уловил затухающее дрожание почвы.

– Как скаковая лошадь, – восхитился Дмитрий.

– Двести пятьдесят километров в час, – уточнил Енисеев. – В переводе на наши размеры, конечно. Как гоночный авто! Но без разгона.

ГЛАВА 6

Они сами без разгона набирали скорость, замирали на полном ходу, всматриваясь в то, что могло быть скорчившейся человеческой фигурой, снова прыгали, как блохи, бежали, как муравьи, ровным стелющимся ходом... Со всех сторон верещало, стрекотало, ухало, визжало, пищало, попискивало, вавакало... Да, вавакало, подумал Енисеев хмуро. Малый Мир неизбежно добавит в словарь новых слов! Возможно, даже в обиходную речь, если это будет раскочерчено.

Дмитрий с разбегу взбежал на крутую горку. Енисеев взпрыгнул следом, но Дмитрий уже шагнул вперед с гребня, прямо в пустоту. Енисеев, еще не осознав, что делает, с разбега сорвался с края обрыва в пропасть... На миг захлестнуло диким страхом, он даже на балконе с опаской подходил к перилам, но воздух сразу же принял его тело в теплые ладони, бережно и очень медленно понес вниз. Его покачивало, как сухой листок. Земля выростала неспешно, приближалась, блестящие кристаллы кварца раздвигались в стороны. Ни свиста рассекаемого воздуха, ни встречного давления. Словно сквозь необычную легкую воду!

Дмитрий уже стоял в боевой позе, оглядывался по сторонам, как хищный муравей. Енисеев сказал рассерженно:

– Под обрывом мог затаиться хищник! А мы беззащитнее тлей. На Морозова с командой не очень рассчитывай. Видел уже, как помогли с кивсяком? Там не успеют «мама» сказать, как здесь начнется и кончится. Нас кончат.

– А головы наши на что? – ответил Дмитрий хмуро.

Енисеев посмотрел на голову Дмитрия. По слухам, каратеки головами пробивают стены...

– Головы не всегда помогут. Здесь самоходные реактивные пушки, огнеметы, локаторы, самонаводящиеся торпеды, разбрызгиватели ядов... И много такого, до чего сто голов не додумаются.

– А инстинкт додумался?

– У инстинкта миллиарды лет проб! Даже простым перебором вариантов такого можно достичь...

– Что, наши мозги в подметки не годятся?

Тон был задиристый. Возможно, Дмитрий тоже устал, теряет самоконтроль, но Енисеев ответил, не уклоняясь, сработала привычка преподавателя вуза:

– Во многих случаях – да. Иначе зачем бионика?

Он часто шарахался от вроде бы безобидных букашек, но теперь и Дмитрий отпрыгивал, бросался под листья, прятался за стебли. Беда не в том, что симпатичный пузан может бабахнуть как из скорострельной пушки – Дмитрий умел управляться с вооруженным противником. Но как угадать, чем стреляет или что метнет такой смирный с виду толстый червячок?

– Слишком много муравьиных троп, – сказал Енисеев неохотно. – Кто додумался устроить Полигон на муравьиной территории? Впрочем, ты объяснил все доходчиво. Да и поздно кулаками махать. К тому же муравьев нет только в зоне вечной мерзлоты.

– Пойдем прямо к фулигинозиусам?

– Придется. Они где-то рядом. Это их охотничьи угодья, а вон там пастбища.

Дмитрий спросил с недоверием:

– Едят траву?

– Нет, пасут собственный скот.

Дмитрий с готовностью засмеялся, с шуткой любой марш– бросок кажется короче, но глаза Енисеева оставались серьезными. Дмитрий вытаращил глаза.

Над их головами хлопнуло, на плечи обрушилась мягкая ударная волна. Огромный полосатый зверь подхватил крючковатыми лапами тяжело груженную пчелу, которую только что таранил на ходу, унес за верхушки растений. В воздухе плотным облаком закружились золотистые шерстинки.

Енисеев проследил взглядом за шершнем, которого в народе зовут пчелиным волком:
– За ним!

Они молча понеслись укороченными прыжками, перепрыгивая сухие стебли, камни, буреломы, сухие хитиновые каркасы насекомых. Впереди дергался, зацепившись за острый росток, мохнатый пульсирующий ком. Из него часто высывался, словно строчил на швейной машинке, блестящий стержень с острым скошенным острием.

– Быстрее! – поторопил Енисеев.

Справа настороженно выглянул богомол, слева мелькнула желтая молния муравья-бегунка. За листьями шевелилось, подползало. Богомол тоже начал приближаться, медленно и плавно, словно плыл в перегретом воздухе.

Дмитрий торопливо отодрал волоконца мягкой плоти от прямого меча, усеянного, как острога, жуткими зубринами. Пузырек с ядом еще дергался, впрыскивая смерть в несуществующего врага.

– Теперь я не голый, – выдохнул Дмитрий с истерическим облегчением. – Спасибо! Господи, как для спокойствия души требуется хоть что-то колющее или стреляющее!.. Как называли меч Роланда? Ага, Дюранда. Теперь бы и тебе, а? Какой-нибудь заваливающий Эскалибур?

Енисеев, которому для спокойствия души меньше всего на свете требовалось колющее и стреляющее, буркнул:

– Пока обойдусь. Быстрее отсюда!

Дмитрий, который не мог запомнить профессию Енисеева, но знал марки оружия вплоть до личных имен мечей средневековых феодалов, послушно шагнул за Енисеевым, но тут же замер, чуть присев и разведя руки.

На них бежал громадный, как самосвал, ярко-красный муравей. У него были раздутая, как бензобак «Явы», широкая шестиугольная голова и длинные ятаганы жвал. Солнце играло на блестящем хитине, муравей казался выкованным из слитка раскаленного железа.

Они не успели ни отпрыгнуть, ни спрятаться. Сбоку на тропу выметнулся черный лазиус. С разбегу наткнулся на великана, отпрянул от неожиданности, но тут же бросился на красного. Тот молниеносно... удрал.

– Что с ним? – ахнул Дмитрий. – Такой амбал! Он бы в два счета... Одними сяжками!

– Значит, мы близко, – прошептал Енисеев. – На нейтральной территории только шелкают жвалами, грозятся и расходятся одновременно.

– Как люди!

– Да нет, это люди как муравьи.

– Ясно, удвоим бдительность.

– Лучше удесятери.

На утоптанной дорожке Енисеев бросился плашмя, повозился животом и спиной. Дмитрий, повинувшись его взгляду, плюхнулся рядом, усердно потерся о пахнувшие муравьями камни, едва не обдирая кожу. Все-таки в этом что-то есть, подумал Енисеев, что с ним десантник. Коллеге пришлось бы объяснять, доказывать, убеждать, а этому можно просто приказать. Нет, положительно в дисциплине что-то есть...

На перекрестке еще раз потерся о валуны, от которых несло муравьями особенно сильно. Сами муравьи проносились на расстоянии вытянутой руки, загадочные и нереальные, словно существа из другой вселенной. Дмитрий не верил, что муравьи их не замечают, старался отбежать подальше, поражался безумной храбрости мирмеколога.

Камни шелестели под когтистыми лапами. Муравьи все чаще пропарывали воздух совсем рядом. Наконец однажды Дмитрий только успел вспикнуть:

– Мура...

Он подпрыгнул, повис на высоте в три своих роста. Енисеев начал поворачиваться, отыскивая взглядом этого «мура...», как ураган налетел черный муравей. Прочный панцирь победно блестел, серповидные жвалы изготвились перехватить чужака в поясе.

Дмитрий обреченно разжал пальцы, изготовившись еще в воздухе к смертельному бою с чудовищем.

Мохнатые усики едва не сбили Енисеева с ног. Енисеев торопливо ответил жестом голода. Муравей энергично махал сяжками, передавая массу информации, объясняя местоположение богатой добычи, но Енисеев упрямо повторял: голоден, голоден, голоден...

Муравей привстал, раздвинул жвалы. Дмитрий приземлился в двух шагах. Там и замер, сжимая Дюрандаль. В пасти муравья заблестела золотая капелька, раздулась, заиграла на солнце. Блеск стал нестерпимым, а мирмеколог вдруг сунул голову между страшными жвалами! Руками он все еще поглаживал гибкие метелки.

Дмитрий застыл в страхе. Наконец Енисеев мучительно медленно вытащил голову, муравей шлепнул его мохнатой шваброй по голове и убежал, только камни полетели из-под ног.

Дмитрий ухватил Енисеева за плечи. Глаза десантника были круглые, как у паука, а голос сорвался на визг:

– Что ты делаешь? Он же мог... мог тебя...

– Мог и... не мог, – ответил Енисеев. Он перевел дыхание, его бледное лицо снова порозовело. – Я попросил есть. Риск, конечно, но у муравьев закон – накормить голодного. Кормящий сам чувствует удовольствие, передавая корм.

– Это я заметил, – завизжал Дмитрий. – Он аж выгибался! Но ты-то... ты!

– Меня для того и позвали, – ответил Енисеев, – потому что я учил мирмекологию, а не автомат Калашникова.

Он продолжил бег, сильно наклонившись, словно ломился к берегу по горло в воде, Дмитрий ошарашенно понесся следом. Крикнул вдогонку:

– Что у него в пасти за гадость? Какой-нибудь яд?

Енисеев ответил на ходу равнодушно:

– Дело вкуса. Муравей нес чистейший мед.

Дмитрий бросил на него острый взгляд. Насчет еды предупредили, но мед... еда и не еда. Не переваривается, вроде бы всасывается сразу. Мирмеколог ставит опыт на себе?

Второго муравья тоже первым заметил Дмитрий.

– Удерем?

Енисеев не успел и рта раскрыть, как испытатель уже сидел высоко на стебле. Муравей набежал, потребовал пароль «свой – чужой». Енисеев погладил усики, дал ощупать и обнюхать. На солнце блеснула янтарным цветом новая медовая капля. Енисеев, уже не перемазываясь, потянул в себя сладкий прохладный сок.

Когда муравей умчался, Дмитрий спрыгнул, спросил:

– Ладно, а вот если встретишь зверя, который нажрался дохлых мух?

– Дохлых волокут в муравейник. Впрочем, объедаться сладким тоже ни к чему...

Муравьи стали попадаться чаще, пришлось с тропки сойти. Крадучись вдоль дороги, добрались до пересечения трасс. Здесь лазиусы сталкивались, быстро-быстро трогали один другого сяжками, разбегались.

– Все запомнил? – спросил Енисеев.

– Как две мурахи метелили друг друга швабрами?

– Да. Каким именно способом метелили?

Дмитрий ответил уклончиво:

– Не абсолютно точно... Но все же память у нас, профессионалов, тренированная...

– Вот и хорошо. Сейчас от твоей памяти зависит твоя жизнь. Возможно, и жизнь твоего пропавшего друга.

– Господи! На Марсе было бы проще.

Когда вышли на дорогу, Дмитрий выставил перед собой Дюрандаль. Никогда не чувствовал себя таким слабым и беззащитным. Муравьи, что мчатся к муравейнику, понабирались меда так, что темные бронированные сегменты брюшка раздвинулись, мед светится сквозь пленку. Единственно уязвимое место! А что толку? Муравей даже с напрочь отстриженным брюшком – не муравей, полмуравья! – еще сражается, спасает личинок, даже тащит добычу...

Тропа раздалась, превратилась в хорошую дорогу. Навстречу целеустремленно бежали цепочкой муравьи, черные лазиусы. Брюшки поджарые, пластинки наезжают одна на другую, как кольца подзорной трубы. Их с Енисеевым не трогали, не останавливали: от обоих пахнет по-муравьиному. Не просто по-муравьиному, а по лазиусфулигинозы, черт бы побрал латинистов, что за типуну у них на языках?

Енисеев заступил муравью дорогу. Тот быстро-быстро махал антеннами, мирмеколог отпихнул Дмитрия и тоже что-то сигналил. Его руки мелькали, как недоразвитые сяжки.

Муравей убежал, а Дмитрий сказал неуверенно:

– Честно говоря, пароль я не запомнил... У тебя память получше.

– Не память, мозги. Я тоже не знаю пароль.

– Но... как же?

– Вопрос «свой – чужой» проще, – объяснил Енисеев. – Я первым задал его муравью.

Дмитрий с уважением поглядывал на бледного худошавого мирмеколога. Отваги у этого мужика хватит на полк профессионалов. Или эти интеллигенты не соображают, что такое отвага?

– Ну ты и гад, – сказал он с восхищением. – Им же еще и орешь «Смирна!»?

Енисеев поморщился:

– Просто муравьи... вежливые. Задан вопрос – они обязательно ответят. А всякие там теории о простоте и примитивности таких биомеханизмов я считаю лженаукой.

Дмитрий похлопал глазами, мирмеколог все переворачивает пятой точкой кверху, спросил дрогнувшим голосом:

– Прем в мурашник?

Он расправил плечи и старался смотреть соколом, но в глазах десантника Енисеев видел откровенный страх. Это понравилось, значит – не совсем тупая скотина. Человек должен знать страх. А вот одолеет его, или же страх одолеет человека – разные вещи.

– Прем, но не сразу, – ответил Енисеев сожалеюще. – Чем ближе, тем проверки строже. На входе бдят самые подозрительные. Фуксом не пройдешь. Я запомнил три движения... Придется заучивать по частям.

Дмитрий в беспокойстве посмотрел по сторонам:

– Тебе виднее. Но все же... Прошло десять часов после исчезновения Сашки... Это суток трое при здешнем метаболизме.

Некоторое время, сойдя с тропы, наблюдали за этими странными зверями. Иногда муравьи сталкивались лоб в лоб, сухо трещал хитин. Всякий раз они ожесточенно метелили друг друга по головам сяжками, и нужно отделить жесты узаконенного пароля от сообщения, что, например, за большим желтым листом, поворота на тридцать два градуса к югу, лежит огромная мертвая стрекоза...

Енисеев успокаивающе прошептал, что в муравейнике обитает множество мирмекофилов: жучки Ломехузы, паучки, многоножки. Научились языку жестов и, пользуясь им, живут за

счет трудолюбивых хозяев, выпрашивая еду, зимуя в теплых муравейниках, пользуясь защитой от врагов. Дмитрий почему-то не обрадовался, запаниковал. Если муравьев, этих зверюг считать рубахами-парнями, то каковы мирмекофилы?

По дороге к муравейнику он часто рассекал руками воздух, отрабатывая муравьиный пароль как можно точнее. Его жесты напоминали Енисееву приемы каратеки, а биолог не жаловал людей, которые вместо мозгов развивают мускулы.

Дмитрий вдруг спросил:

– Что-то случилось? От тебя вдруг пошел иной запах.

– В самом деле? – пробормотал Енисеев. – Какой?

– Трудно сказать... Но ощущение такое, что ты собираешься стукнуть меня палкой по голове.

– Не обращай внимания, – сказал Енисеев торопливо, – сейчас пройдет.

– А нельзя обойтись с муравьями только запахом? А то ненароком такое покажешь с этими жестами! Доказывай потом, что не так поняли. От меня несет, как от девицы горизонтального промысла с Тверской.

– Внутри муравейник охраняется особенно строго. Запах запахом, но козырять надо строго по правилам.

– Понятненько! Разные системы допусков. Это нам знакомо.

Дмитрий чуть ободрился, найдя в жизни муравьев нечто общее с учреждением, в котором работал. Енисеев напряженно думал о странности Малого Мира, где даже у человека меняется запах при раздражении, гнев. Если так, то здесь немалые возможности... Дальняя связь, например. Бабочки засекают друг друга с расстояния в два-три километра. Надо будет в свободное время обдумать.

ГЛАВА 7

В воздухе начали возникать маленькие поблескивающие горошины. Прикоснувшись к коже, исчезали, оставив крохотное мокрое пятнышко. Влага испарялась, всасывалась в кожу, но этих безобидных капель сконденсированной влаги многовато, не защищенное хитином тело будет в опасности...

– В такую погоду всегда драки, – сказал Енисеев с беспокойством. – А нам надо спешить... Попасть в пограничные схватки совсем ни к чему.

Дмитрий подобрался, мускулы вздулись. Двигался уже не такими размашистыми прыжками, осматривался чаще. Енисеев бежал рядом короткими блошиными скачками.

Вдруг Дмитрий придержал Енисеева, замер. Его квадратная челюсть выдвинулась по крайней мере на метр. Дюрандаль он держал наготове. Енисеев потихоньку заглянул за лист, загораживающий им путь.

На светло-серой земле катались, сцепившись по трое– четверо, черные блестящие муравьи. Все поле было покрыто сражающимися. Они яростно грызли друг друга, отпиливали сязки, лапы, головы. Здесь муравьи собрались только крупные, широкоголовые, жвалы у каждого вдвое длиннее, чем у фуражиров.

Дмитрий прошептал:

– Лютые бойцы! Но как отличают, кто свой, кто чужой? Одинаковые!

– Один купец считал, что все китайцы на одно лицо... Эти муравьи еще год назад могли жить на одном муравейнике. Племя разрослось, разделилось.

– Как хохлы и кацапы?

– Я мирмеколог, не историк.

– Запах у них, – рассуждал Дмитрий напряженно, – вроде идеологии? Изменился запах, ты уже не наш чело... муравей?

– Эту глубокую мысль обязательно перескажу коллегам. Худо, что побоище продлится долго. Они дерутся сутками! Даже по неделе, если погода позволяет. Да-да, это обычная пограничная схватка. Регулярное кровопускание. Вообще-то это мирные муравьи.

– Ого! Какие тогда не мирные?

– Ну тетрамуриум не такие флегматы...

Дмитрий жадно рассматривал бойцов. Удары в Малом Мире неэффективны, вместо мечей и копий работают пилы, клещи. Главное – зажать противника, чтобы не вырвался. Сцепившихся бойцов, в свою очередь, раскусывают и распиливают другие. По всему полю дергаются расчлененные туловища, головы с шелкающими жвалами, сязки, лапы...

На краю поляны близко к людям сражался колченогий ветеран. Весь во вмятинах, грудь и голова со следами старых шрамов, с половинкой левого усика, он умело и быстро перекусывал тонкий стебелек, отделяющий голову противника от груди, бросался на другого. В то же время чувствовал врага, не давал ухватить себя сзади. По мнению Дмитрия, шрамы он получил в боях с более серьезными противниками, чем от подобных салаг первого призыва.

Справа и слева от поля битвы сплошные заросли. Ступишь шаг, тут же жвалы сомкнутся на шее. Все разъярены, засадные полки рвутся в бой...

– Надо спешить, – напомнил Енисеев.

Дмитрий обогнал его, пробираясь по широким, как крыши домов, листьям. Меч держал наготове, тот цеплялся за зубринами за шипы, наросты и белесые волоски, торчащие из листа.

Под ногами шевелилось, подрагивало. Ветра не было, но Енисеев часто падал, Дмитрий с хищным видом скользил рядом. Перепрыгивая с листа на лист, часто натывался на божьих коровок. Эти живые танки медленно уютжили зеленое поле. Енисеев торопил, потому Дмитрий

лишь пронесся, прыгая с одного разноцветного панциря на другой, да пару раз с наслаждением врезал одной хищной коровке Дюрандалем по жестким рогам-щеточкам.

Дважды перед ним внезапно распахивали крылья ярчайшие бабочки. Со сложенными крыльями – серые засохшие листья, покрытые мертвой пылью, а едва распахнет – свалишься от неожиданности... Дмитрий шарахался, зло ругался.

Как-то Енисеев услышал вопль, оглянулся – белый как мел Дмитрий почему-то сидел на зеленой стене. Добежав, Енисеев уперся ладонями в прохладное тело гусеницы бражника. Сытая, раскормленная, роскошно зеленая, размером с железнодорожный вагон, а прожилки на ее зеленой коже волшебным образом точно имитируют лист, на котором пасется. Только вот на боку приклеены блестящие яички: белые, чуть поменьше кулака. Заботливая муха-тахина позаботилась о потомстве, и гусенице уже не стать бабочкой.

– Слезай! – крикнул Енисеев. – Вон тот стебель уже на другой стороне ристалища!

Дмитрий спрыгнул с гусеницы, что все еще притворялась мертвой, со злостью ударил в бок жалом-мечом. Упругая кожа спружинила, и сам он едва не сорвался в самую гущу сражения.

При спуске по стволу Енисеев обнаружил, что может бежать вниз головой. Никакого прилива крови к голове, гравитация вовсе не стремится оторвать руки от ствола и швырнуть вниз на камни.

Дмитрий тоже встал на четыре точки, обогнал, возбужденный, взвинченный, что-то выкрикивая на бегу, не то пел, не то читал Устав.

Внизу по трассе в обе стороны мчались безразличные к сражениям фуражиры. Огромной семье нужен корм, голодные личинки орут, а глупые драки – дело солдат. Те закованные в литой хитин чудовища не способны к строительству, работе с расплодом, не умеют даже добывать пищу, они рождаются именно для драк. Пусть гибнут, защищая гнездо. Меньше требуется корма.

Муравьиная дорога незаметно превратилась в магистраль. Муравьев было много. Енисеев прозевал налетевшего муравья, Дмитрий увидел только, как мирмеколога отшвырнуло, с силой бросило через голову.

– Что ты делаешь? – закричал он, размахивая Дюрандалем. – Смотри в оба! Не все толчки безопасны...

– Спасибо за подсказку.

– Да я завсегда готов помочь! – ответил Дмитрий счастливо.

– Придется лезть в муравейник, – сказал Енисеев. – Эх, надо было твоему другу притвориться мертвым... Или прыгнуть вверх, как ты практикуешь.

– Не знаю... Играть мертвого не в нашей натуре. Да и в инструкции не было. А Сашка всегда рвется подраться! Но с этими разве подерешься?

Он умело уворачивался от муравьев, словно лихой пешеход на улице Горького, вздумавший в час пик перейти над подземным переходом. Енисеева отшвыривало, по нему пробегали жесткие лапы... Но, как ни парадоксально, все-таки здесь безопаснее: сюда боятся подходить хищные жуки, богомолы, кивсяки, пауки...

Из зеленого тумана выступила и начала разрастаться коричневая стена. Словно горное плато вдруг вздыбилось на ребро, другим краем упираясь в небо! В воздухе повис терпкий муравьиный запах. Не плато, напомнил себе Енисеев настойчиво. Не плато, а простое дерево! Ущелья – трещины коры, а кратеры потухших вулканов – всего лишь наплывы колец.

Муравьи несли и волокли к дереву насекомых, тащили былинки, семена, бежали с раздутыми от меда брюшками. Некоторые доставляли в жвалах образцы пищи. Дескать, унести не сумели, добыча велика, шлите бригаду... Навстречу выбегали фуражиры, рабочие выносили землю, строительный мусор, клочья хитина, шарики фекалий.

Вдоль дерева-стены тянулся земляной вал, сложенный из плотных шаров спрессованной земли. В добротном муравейнике муравьи расширяют подземные залы, одновременно ограждают тоннели от затопления дождем.

Неожиданно сверху начала опускаться огромная темная масса. Когда она достигла верхушек травянистых деревьев, расплывающееся изображение превратилось в заостренный книзу металлический столб. Столб опустился ниже, Енисеев разглядел огромные, как облака, кончики пальцев, что держали уже знакомую пипетку. На кончике начало поблескивать, раздуваться.

Енисеев закричал:

– Нет! Ни в коем случае!.. Дмитрий, запрети им!

Дмитрий послушно поднял руки, просемафорил. На кончике иглы вздулся резервуар воды. Муравьи начали поднимать сляжки. Енисеев с ужасом видел по их сигналам, что они рисуют образ врага, готовятся к отражению нападения.

– Обеззараживающее, – объяснил Дмитрий. – Должны были окатить нас раза три по дороге...

– Запрети!

Резервуар воды перестал увеличиваться, но все еще висел над их головами. В тучах гремело. Дмитрий еще раз помахал руками.

– Передай, – велел Енисеев, – что это нас убьет. Мы потеряем муравьиный запах, нас тут же растерзают!

Дмитрий снова просигналил. Полая колонна медленно пошла в сторону. Капля сорвалась, пошла вниз, расплескавшись о плотный воздух до формы НЛО, с шумом обрушилась в заросли.

Дмитрий стоял побелевший, губы его дрогнули:

– С ума они там походили, что ли?

– Они ведь не специалисты, – бросил Енисеев с презрением.

– Да, конечно... но так ошибаться? Это чересчур. Все невпопад, все наоборот.

Их часто останавливали, требовали пароль. Вверху над растениями снова появилась туча, оттуда высунулся цельный металлический прут. Дмитрий покосился на Енисеева, просемафорил, что справятся сами. Жвалы десантника грозно разведены, брюшко маленькое, грудная клетка разбухла от твердых мускулов.

Близко к главному входу поднимался подмаренник. Оттуда тянуло сладким, как сироп, нектаром. Подмаренника в этих местах нет, значит, муравьи принесли семечко издала. А это значит еще, что на сочных листьях пасутся стада муравьиных коров... Вон бегут по стволу фуражиры. Вверх – с пустыми брюшками, вниз – с раздутыми. На зеленых полях идет дойка, сбор падевого меда.

От земляного вала молоденький, весь блестящий солдат, дрожа от усердия, тащил за лапу колченогого старого муравья. Тот не сопротивлялся, медленно поводил уцелевшим усиком. Его крючковатые лапы цеплялись за кристаллы кварца, выворачивали блестящие глыбы. Молоденький солдат сверкал на солнце, как только что сошедший с конвейера гоночный автомобиль, зато ветеран был во вмятинах, с погнутыми пластинами, без правой передней лапы...

– Что они делают? – шепнул Дмитрий удивленно. – Это же мураш, который сражался в пограничном инциденте! Я его запомнил.

– В схватке подцепил чужой запах. Бывает.

– Бывает, – согласился Дмитрий. – На войне чего только не подцепишь. Хотя случается и в мирное время... Поживет среди своих, отойдет от западной заразы.

– Тут муравейник, не человечник. Подозрительного удаляют сразу.

– Гады, чистку проводят? – ахнул Дмитрий возмущенно. – Он за них сражался, кровь проливал! А чистюля его вон? Нашивки зарабатывает, не выходя из отдела?

– Выгоняют не навсегда, – ответил Енисеев с неохотой. – Пока чужое не выветрится.

– Понятно! Жди амнистии, потом реабилитации... Думаешь, я не знаю, что он ночью замерзнет? А то с голоду помрет, птица склюет, богомол или паук сожрет! Я думал, только люди додумались до такой подлости!

Он прыгнул без разбега, упал на молоденького муравья. Орудия Дюрандалем как рычагом, попытался разжать жвалы, сомкнутые на изувеченной лапе ветерана. Изумленный муравей заколотил сяжками, требуя пароль, но Дмитрий в ответ едва не вывернул службисту челюсти. Ветеран высвободил лапу, устало заковылял обратно к муравейнику.

Дмитрий напоследок звучно трахнул стража по башке, гигантским скачком долетел до Енисеева.

– Здорово я его, а? – спросил он с истерическим весельем.

Его трясло, губы прыгали. Он не знал, куда девать руки, пальцы то нежно гладили страшное оружие, то ощупывали себя, не веря, что вышел живым из страшного боя.

– Здорово, – согласился Енисеев с неловкостью. Колченогого все равно выбросят из муравейника, это закон сообщества, но Дмитрий пусть верит, что справедливость восстановит легко. Хотя бы здесь, в муравейнике. – Ты поступил... гм... благородно.

– Ты видишь, я не трус, – сказал Дмитрий осевшим голосом, – но неужели придется лезть в эти темные норы? Лучше бы оказаться в джунглях Венеры.

Из черного зева показался несомый по воздуху скрюченный муравей. Сяжки висели, лапы сплел в клубок, брюшко и голову подогнул. Нес его строительный рабочий. За ним показался второй, третий... Все держали в жвалах мертвых. Одни словно только что заснули, других тронула плесень, у третьих отваливались пересохшие лапы.

Муравьи выбегали один за другим, похоронная процессия не обрывалась. Дмитрий помрачнел, даже перестал шлепать на себе микробов.

– Чумка у них, что ли? Как бы к Сашке не пристало... К интеллигентам любой грипп прилипает!

Енисеев прикинул на глаз размеры муравейника:

– В сутки здесь рождается тысячи три... Столько же и умирает.

– Понятненько, – обрадовался Дмитрий. – Так чего мы сели, как вороны возле падали? Поищем другой ход!

Из второго туннеля тоже выносили трупы. Из третьего – трупы и мусор. Енисеев торопливо объяснил, что у муравьев есть специальные кладбища. Чтобы не разносить заразу в доме, додумались относить мертвых подальше. Одни закапывают, другие виды оставляют трупы на чистых полянах под жарким солнцем.

– Как эти... зороастрийцы?

Енисеев посмотрел на храброго героя с удивлением. Проще было услышать такое от проползшей по листу гусеницы.

– Почти... Муравей мал, солнечные лучи тут же прожаривают его насквозь. Микроб не уцелеет, любая плесень гибнет.

Из последнего туннеля рабочие выносили комочки земли. Все муравьи протискивались, как туда, так и обратно, через коридор ощупывающих усиков бдительной стражи. Дмитрий обеспокоенно поглядел на Енисеева. Здесь тоже не пройти, вон какие жвалы! Хватанет, второй раз не сунешься.

– Надо явиться с добычей, – предложил Енисеев, – как обыкновенные фуражиры.

ГЛАВА 8

В два прыжка они оказались на обломке толстого сухого стебля. Под ногами шелестело, шуршало. Внизу поблескивали огромные тела ухверток, панцири жуков, в самом стебле мощно скреблись их личинки. На земле – оторванные крылышки, обломки лапок, неопрятные куски высохшего хитина, похожего на проржавленные остовы легковых автомобилей.

– Давай забьем вон того жука, – предложил Дмитрий торопливо.

– Не спеши. Муравьи не свиньи и не... люди. Едят далеко не все.

В трех шагах на обломок опустился вихрь энергии размером с двухэтажный дом, промчался легкими балетными шагами, непрерывно постукивая по древесине длинными усиками с белыми колечками. Енисеев приподнялся на руках, Дмитрий остался в той позе, в какой свалила волна от крыльев наездницы-риссы, страшного врага личинок жуков-дровосеков.

Рисса металась по пеньку, яростно колотила по дереву длинными усиками. Дмитрий хмуро сопел, угнетенный свирепой мощью хищного насекомого. Танцующий башенный кран на тропе войны!

Вдруг рисса забегала взад-вперед на крохотном пространстве. Енисеев буквально увидел, как в ее крохотном мозгу, мощности которого позавидовали бы творцы компьютеров, за сотую долю секунды были закончены сложнейшие вычисления. Да, именно вот здесь толстая жирнущая личинка дровосека неторопливо точит мощными челюстями древесину и чуть ли не поет от сознания абсолютной безопасности...

Усики риссы пошли вверх, брюшко поднялось, длинная иголочка яйцеклада направилась к древесине. Компьютер в голове риссы высчитал угол, направление, усилие. Рисса замерла, от иголки яйцеклада отошел в сторону и согнулся другой футляр. Тоненькое сверло на глазах погрузилось в прочное дерево... Остановилось оно в момент, когда рисса почти коснулась брюшком дерева. По яйцекладу прошло крохотное утолщение, через мгновение рисса вытаскивала яйцеклад, подпрыгнула и пропала в небе.

– Фу, – выдохнул Дмитрий. Он машинально вытер несуществующий пот. – Летающий дракон!

Енисеев спрыгнул на землю, поднял длинное легкое копьё:

– Если оружие само идет в руки, его надо выбросить... Но сейчас случай особый.

Дмитрий спрыгнул следом, осмотрел оружие как знаток:

– Гибрид копья и шпаги! Как у того дракона?

– Помельче.

– Стоп-стоп!.. Это шприц?

Енисеев ответить не успел, Дмитрий вскрикнул, перегнулся в пояс. Перед Енисеевым мелькнуло блестящее, пахнуло острым запахом. Он инстинктивно ударил шпагой. Острие с хрустом вонзилось в голову грудью напавшего на Дмитрия жучка. Дмитрий пыхтел, ругался, пытался оторвать от себя врага. Енисеев вцепился свободной рукой в зазор между головой и переднеспинкой хищника, глубже всадил шпагу в нервный узел.

С перекошенным от боли лицом Дмитрий кое-как разжал челюсти жука, вцепившегося в его шорты:

– Ты прямо тореадор! С одного удара. С какой стати эта тварь набросилась?

Енисеев с трудом выдернул оружие из плотной ткани. Между зазубринами белели волокна нерва. По-снайперски, в спинной ганглий! Сумеет ли так хоть раз в жизни еще?

– Ваши умельцы не могли выбрать другой цвет?

– Это не умельцы, а химики, – ответил Дмитрий, морщась от боли. – Маскирующая окраска!

– Вашим химикам работать мешают погоны. Иначе знали бы разницу между маскировкой и мимикрией. Если у тебя маскирующая окраска, сиди неподвижно, даже тень прячь! Маскируются самые слабые, самые лакомые. Почему не сделать шорты ярко-красными? Как мухоморы, божьи коровки? Любой бы видел издали: ядовито! Даже по ошибке не схватят.

Дмитрий сделал первый шаг, все еще перегибаясь в поясе. Лицо было белым, мускулы дергались.

– Как клещами хватанул! Нашел же куда кусать, паразит... А какой-то умник еще говорил: зачем шорты, зачем шорты? Вернусь, морды набыю.

На широком, как стадион, листе Енисеев обнаружил голую, как сосиска, гусеницу, всадил шпагу хирургически точно. Гусеница свернулась кольцом, замерла. Дмитрий прыгнул рядом, держа Дюрандаль над головой. У гусеницы было две головы, на каждом конце туловища, причем самая крупная, как объяснил Енисеев, ложная. Ударит глупая птица, а гусеница скатится с листа, клюнутая не в голову, а в...

Дмитрий с гусеницей в руках спрыгнул вниз. Енисеев на миг задержался, почему-то вернулся страх высоты. Он с силой помахал рукой, плотный воздух густыми струйками потек между растопыренными пальцами. Прыгнул, нагретый воздух подхватил, не дал стремительно упасть на дно воздушного океана.

– Какой там Марс, – прошептал Енисеев. Сердце его колотилось, как испуганная птица в клетке. – Самый удивительный мир... Прицепить бы крылья, можно летать...

Внизу сбежались зеваки, щупали сяжками добычу. Нашлись помощники, Дмитрий обрадовался, вдруг да сдружатся за совместным трудом, но Енисеев выдернул гусеницу, отпрянул с нею в сторону от пахнущего тракта. Обескураженные муравьи заметались, гусеница для них выпала в другое измерение.

– Сами справимся, – объяснил Енисеев напряженно. – А то на входе решат, что присоединились как раз мы.

Дмитрий опасливо смотрел на муравья, что рассерженно метался с угрожающе разведенными жвалами совсем рядом.

– Неужели не видит?

– В том-то и дело. Одни ориентируются по звездам, другим хоть фигу под нос поднеси.

– Черт, разберешься с ними...

– Разберемся, – пообещал Енисеев, но в сердце кольнуло. Его пригласили всего лишь на одну операцию...

Из центрального входа часто выскакивали эти сильно пахнущие черные торпеды. Теперь в воздухе чувствовался новый запах, сильный, но уже не резкий, в нем ощущалась сырость глубин, свежесть новорожденных муравьев, аромат молодых корней дерева.

– Жесты запомнил? – спросил Енисеев сдавленным голосом. – Держись уверенно, прячься за гусеницей.

По телу забегали быстрые бесцеремонные усики. Ногу Енисеева цапнуло. Он напрягся, с усилием проламываясь сквозь живые ворота ощупывающих усиков и раздвинутых жвал.

Мелькнуло перекошенное лицо Дмитрия. Белый, с обезумевшими глазами, он пихал перед собой гусеницу как таран, изгибался, когда по нему пробегали усики с жесткими щеточками на концах, похожими на ершики для чистки бутылок.

Продравшись сквозь живой частокол, они оказались в широком полутемном тоннеле. Тянуло могильной сыростью. Из темноты внезапно выныривали оскаленные пасти, зазубренные челюсти грозно шелкали, чудовище свирепо бросалось на них... почему-то промахивалось, и лишь тогда Дмитрий понимал, что муравьишка бежал по личным или общественным делам, а двуногие мирмекофилы ему до лампочки.

В полутьме ярко сверкало окно в солнечный мир, но его перекрещивали гуще тюремной решетки длинные усики-антенны и серповидные жвалы. Оттуда в муравейник врывались нагретые запахи солнца и трав.

– Бросай гусеницу, – услышал Дмитрий в темноте голос Енисеева. – За вход мы заплатили, а на склад пусть тащат сами.

Дмитрий с неохотой бросил почти невесомую гусеницу, ощущая себя без нее совсем голым. Рядом зашуршало, через гусеницу перемахнула рогатая тень, зато второй муравей с азартом вонзил жвалы в лакомое мясо, заурчал, поволок в темную нору.

– Теперь куда? – спросил Дмитрий обреченно.

– Вниз. Проверим склады живой добычи.

– погоди малость, – вдруг попросил Дмитрий. Он виновато улыбался, губы его пересохли. – Дай отойти... Не знаю, как ты, но у меня душа трясется. Помню, как-то парашют не раскрылся... Нет, тогда было не так страшно.

Из темноты начали выступать неясные очертания. Наметился потолок, а черные пятна превратились в норы. Пальцы Енисеева скользнули по стене, оставляя слабый светящийся след. Плесень? Но муравьи плесени не выносят. У них чисто, сухо. Если появляется плесень, с которой не сладят, то бросают гнездо, переселяются. Этот муравейник слабым не выглядит... Опять загадка.

– Готов? – спросил Енисеев нетерпеливо.

– Готов, – отозвался Дмитрий. – Совсем готов!

– Иди за мной.

– Веди, Сусанин... Или Вергилий? Какой толк от тех ворон, которые наблюдают за нами? Раньше не успевали помочь, а теперь и вовсе...

Он вытащил из-за пояса Дюрандаль, с тоской покосился на черные тоннели.

– Спрячь, – посоветовал Енисеев. – Я вон шпагу и не вынимаю. Если что случится, эти булавки не спасут.

Медленно, часто останавливаясь и прижимаясь к стенам, они двинулись по самому широкому тоннелю. Запах стал гуще. Пахло личинками, пакетами яиц, сырой землей, новорожденными муравьями. Енисеев жадно вдыхал, вжимался, старался ощутить себя муравьем с его заботами, желаниями. Дмитрий дышал ему в спину, наткнулся в темноте, часто с разбега бодал, сбивал с ног.

Головная боль и слабость в теле быстро испарялись, а воспаленные от солнца глаза перестали слезиться. Дмитрий подпрыгивал, заведя бегущего навстречу муравья, хватался за оружие.

– Перестань, – сказал Енисеев. – Через турникет прошли благополучно, а тут пропуска не спрашивают. Держись как дома.

– Благодарю покорно!

– Иначе надолго тебя не хватит.

– Знаю, но что делать? Умом уже не боюсь, но внутри трясется, как пороссячий хвост. Мы ж в чужом доме ходим, как ворюги...

Тоннель повел в сырость, в сгустившиеся запахи. Стены казались облицованными, словно покрытыми глазурью. Песчинки держались даже на потолке. Опустившись на два уровня, Енисеев поколебался, был соблазн начать поиски здесь, но заставил себя выбрать извилистый штрек, ведущий круто вниз.

Прошли через анфиладу крупнейших пустых пещер. Чисто, сквозная вентиляция, но встретили только одного муравья. Тот вяло прошел мимо.

Дмитрий проворчал, стараясь держать голос на мужественной ноте:

– Лабиринт! В этих пещерах десяток муравейников поместится. На вырост строят или чокнулись на почве гигантомании?

– Муравейники не строят по фигуре, – ответил Енисеев. Он полез вниз по отвесной стене из пережеванной древесины. – Это не улитка слизня, не панцирь черепахи, не раковина перловицы... Прыгай сюда! Вот так. Зато муравьи термопреферендят...

– Что-что?

– Запомни, пригодится. Есть такое понятие, термопреферендум. В жару муравьи опускаются в нижние этажи к грунтовой воде, в холод поднимаются в прогреваемые солнцем участки. Чем больше муравейник, тем точнее выбирают влажность, движение воздуха, то бишь выбирают и термо-, и гидро-, и анемо-, и прочие-прочие преферендумы.

Дмитрий, при всей натренированности на выживание, ориентировку потерял почти сразу. Сворачивали, опускались, ныряли в крохотные боковые ходы, выходили в огромные пещеры, откуда мирмеколог без колебаний нырял в самую темную, как казалось Дмитрию, и самую страшную.

– Мне почудилось, – восторженно воскликнул он, – что за нами перекрыли ход! Ловушка?

Енисеев даже не обернулся, сказал буднично:

– Муравьи постоянно что-либо перестраивают, переделывают.

– Как же вернемся? – воскликнул Дмитрий в ужасе. – Или станем этими... мирмекофилами?

– Вернемся другим ходом, – ответил Енисеев с безразличием. – Карту муравейника составлять бесполезно. Муравьи вечно перестраивают собственный город. Как дети.

– Как дети?.. Ага, как дети. Понятно, милые детишки. Только все с саблями наголо...

Они почти плыли в мощном кисловатом запахе. В темных переходах силуэты муравьев мелькали призрачно-темными тенями. Иногда такая тень задевала Енисеева, чаще он сам в потемках налетал на нее. В любом случае впечатывался в стену, катился по полу, убеждаясь в жесткой реальности призраков. Дмитрий увертывался чаще, но Енисеев чувствовал, насколько десантник подавлен, испуган.

На четвертом уровне, считая от поверхности, две пещеры были заполнены зерном. Еще три оказались с мертвыми насекомыми. Кое-где трудились перепачканные мукой зерномолы, со вкусным хрустом превращая крепкими жвалами зерна в белый порошок. Там же мясники придирчиво осматривали разнокалиберную добычу, недоверчиво вонзали жвалы, проверяя на свежесть.

Снизу тянуло могильным холодом. Енисеев чувствовал, как тело цепенеет, мышцы сокращаются все с большим трудом. Сказывалась близость колодцев, прорытых до подземной воды. С другой стороны, здесь не грозит опасное пересыхание...

Енисеев внезапно остановился, ухватившись за выступ. Дмитрий ткнулся ему в спину, едва не столкнув в огромную яму-пещеру. Внизу слабо поблескивало огромное зеркало, пробегали жемчужные искорки, вспыхивали матовые молнии. Дмитрий присмотрелся, непонятное зеркало вроде бы сложено из крохотных осколков, плотно прижатых один к другому. Осколки сдвигаются, наползают друг на друга! Едва слышно доносится неумолчный шелест, словно сто тысяч раков пытаются выбраться по стенам.

– Здесь не пройти, – услышал он в темноте шепот Енисеева.

– Что там?

– Молодые самцы и самки! Вон крылья блестят! Крылья длинные, прикрывают туловище полностью, самих муравьев под ними не видно.

– Опасные? – спросил Дмитрий о самом главном.

– Беспомощные! Но это будущее муравейника. Их охраняют особенно строго.

– Ага... Поперли обратно?

Соседний ход нашли быстро, но двигались осторожнее. Дмитрий понял из объяснений мирмеколога, что настоящие муравьи занимаются делом, как и подобает мужикам: воюют, охо-

тятся, строят, ломают, пасут тлей, выращивают злаки. А для размножения появляются красивые крылатые дурни, у которых мозгов впятеро меньше, чем у нормальных муравьев. Крылатые не умеют ни ломать, ни строить, зато за бабами гонять – будь здоров! Вместо мозгов у них развиты гляделки, чтобы издали засечь крылатую и закадрить на ходу.

– Сейчас они прячутся, – объяснил Енисеев, – но час настанет, и тогда их не удержишь. Всего день длится роение! Найдя друг друга, сочетаются в полете. Самка спешит заложить гнездо, а самец погибает...

– Красивая смерть, – сказал Дмитрий с чувством.

Енисеев отодвинулся от одетого в мускулы испытателя, который показался странно похожим на муравья-самца:

– Кому как. Кстати, мы подошли к складу живой добычи.

– Где?

– Прямо...

Дмитрий бросился вперед, ударился о выступ, упал. Енисеев закричал, предупреждая об опасностях, но Дмитрий уже с разбегу ворвался под своды очередной пещеры.

ГЛАВА 9

Светящаяся плесень на стенах освещала слабым призрачным светом темную массу на дне пещеры. Здесь чуть теплее, насекомых притащили из жаркого солнечного дня, Енисеев чувствовал, как они отдают тепло холодным стенам. Шевелились длинные лапы с зазубренными голеньями, лопались с сухим треском хитиновые панцири. Слышался шелест, шорох, скрип, шелканье, словно целая насыпь крупных валунов медленно сползает с горы.

Дмитрий, как гигантский тушканчик, перепрыгнул почти через всю пещеру, упал на скопище мертвых и полумертвых насекомых. Даже с оторванными головами, наполовину расчлененные, изуродованные, еще пытались ползти, лягаться, подгребали крючковатыми лапами соседей...

Едва ноги Дмитрия коснулись чьей-то мягкой щетинистой спины, как рядом подпрыгнула и люто щелкнула жвалами оторванная голова. Даже не голова, половинка головы! Чудовище промахнулось самую малость, но Дмитрий даже не оглянулся на острейшие жвалы, готовые одним движением отхватить ноги.

Енисеев остановился на краю пещеры. Похолодевшие ноги отказывались нести в шевелящееся адское месиво. А Дмитрий метался по мягким телам гусениц, жестким спинам жуков, по телам щетинистым, скользким, пульсирующим. Исчезал за огромными насекомыми, приподнимал их, переворачивал, нырял под длинные туловища стрекоз, лазил на четвереньках под скопищем дергающихся дождевых червей...

Когда вернулся, от него несло сыростью, слизью, чужими запахами. Енисеев сказал торопливо:

– Таких складов много! Общем все, будь уверен. Испытатель где-то здесь.

В следующей пещере Дмитрий снова, уже не чувствуя прежнего страха перед диковинными чудовищами, прыгал по грудам добычи, переворачивал, заглядывая во все углы, безбоязненно отпихивал муравьев, воспринимая их только как досадную помеху.

Миновали три склада. Дмитрий мрачнел, на ходу вытирал о стены налипшую на руки слизь. Если в первом складе были полуживые насекомые, то в остальных только горы высохших, скрюченных, зачочневших...

Тело ныло, наконец-то отзываясь на ушибы, падения, толчки. Оба напряженно всматривались в полумрак, стараясь уловить движение раньше, чем выскочивший муравей снова собьет с ног. Вдруг Енисеев вытянул руку:

– Мне кажется... там человек!

Дмитрий сорвался с места как реактивный снаряд. Енисеев бросился за ним, упал, завертелся волчком, а потом, теряя драгоценные секунды, не сразу понял, где верх, где низ, откуда и куда они идут.

Издали донесся крик. Енисеев закричал в ответ. Из темноты вынырнула плечистая фигура. Они почти столкнулись в темной, как преисподняя, пещере. Дмитрий устало положил ему на плечо горячую ладонь, голос был хриплым:

– Извини. Тоже почудилось... В глазах чертики пляшут.

– Да нет, – сказал Енисеев торопливо, – я видел силуэт! Спутать трудно... Но ты побежал по другому ходу. Давай искать дорогу обратно.

Спустились на ярус, потом по соседней шахте поднялись сразу на два. Ход петлял, поднимался, делал зигзаги. Устали, в мышцах начала разливаться боль. Дмитрий вопросительно косился на мирмеколога.

– Вон там, – сказал наконец Енисеев, он неуверенно показал пальцем, – человек...

Дмитрий стрельнул глазами, на этот раз засек направление, прыгнул вперед. Под ногами громко шелестнули отколотые камешки.

Енисеев добежал до порога пещеры в тот момент, когда Дмитрий с торжествующим ревом торопливыми скачками неся к смутно различимой фигуре. Человек стоял напротив некрупного муравья, осторожно трогал его сяжки. Муравей, как сразу определил Енисеев, из нянек, что всю жизнь занимаются расплодом, лишь в последние дни жизни могут выйти на поверхность, да и то в сырые облачные дни...

Заслышав Дмитрия, человек в испуге отпрянул. Роста он был среднего, сложения вовсе не атлетического, светлокожий, светловолосый, в плечах тоже с Дмитрием не сравнить.

Муравей убежал, а Дмитрий налетел на друга, схватил его в объятия:

– Сашка!

Человек покачнулся. Если бы Дмитрий не поддержал, упал бы на землю.

– Димка! – прошептал человек. – Откуда ты?

– Ясно откуда... Ты в порядке? Господи, руки-ноги на месте...

Енисеев остановился, словно с разбегу влетел в каплю клея. У испытателя Сашки были длинные пушистые ресницы, крупные синие глаза, нежное белое лицо... Слишком узкие плечи, тонкие кисти рук, а под майкой-хитоном... Господи, да это же...

Дмитрий, не выпуская друга из объятий, с самым счастливым видом развернулся к Енисееву:

– Лампадий, знакомься! Это Саша – звезда нашей группы. Единственная женщина, кстати, во всем отряде наших мордovorотов. Фетисова Александра Борисовна. Но раз мы без галстуков и штанов, то лучше – Саша, Сашка. А это, дружище, крупный ученый – мырмы... мярмю... словом, муравьелог Евлумпий Владимирович Енисеев.

Енисеев молчал, оцепенев. Его глаза шарили по фигурке испытателя Сашки. В горле сипело, но звуки не складывались в слова. Девушка окинула его сердитым взглядом. Глаза ее были чересчур синие, вопрошающие. Внезапно ее голос стал ядовитым:

– Может, мне повернуться?

– 3-зачем? – спросил Енисеев тупо.

– Чтобы вам удобнее было рассмотреть меня и сзади, – объяснила она сердито.

Дмитрий коротко гоготнул. Енисеев с трудом раскрыл рот:

– Что вы, боже упаси... Верю, что и с той стороны так же... гм...

Дмитрий сказал предостерегающе:

– Евпаторий, прикуси язык! Схлопочешь. Это самый жуткий феминист на свете. А дерется, куда там бешеному барсу! Как богомол!

Саша окинула его с головы до ног оценивающим взглядом, поморщилась:

– Так Лампадий или Евпаторий?

Дмитрий со скрипом, словно скреб сковороду, почесал в затылке:

– Или Евлюстрий, не помню точно... Что-то со светом связано!.. Евторшерий? Евбра-рий?.. Евджиний?.. Лучше бы уж лошадиная фамилия...

– Меня зовут Евлампий, – сказал Енисеев сердито. – Но я не обижусь, если будете звать просто по фамилии. Без всяких добавок, типа «товарищ», «господин», «мастер». Мы без галстуков, как сказал Дмитрий...

Губы девушки чуть дрогнули в усмешке. Она сказала звонким чистым голосом:

– Вы правы. Что за церемонии в полевых условиях? Меня зовут просто Саша.

Дмитрий помял в громадной ладони хрупкое плечо Сашки. Енисееву показалось, что атлет погладил стальной шар размером с кулак. Плечо Сашки было, судя по всему, хрупким только с виду.

– Саша, это Енисеев на тебя вывел! Я бы ни в жисть... Римские катакомбы! Ладно, приключениям конец. Прем обратненько. По дороге расскажешь, как и что стряслось.

Енисеев перехватил быстрый взгляд, брошенный на него Сашкой. Она ответила медленно, уводя глаза в сторону:

– Мне кажется, лучше чуть-чуть обождать... Я не специалист, но часовые сейчас, как мне показалось, настороже. Вот-вот пойдет солнце, муравьи закроют выходы, задремлют. Так я читала в детской книжке...

Дмитрий раздосадованно переступил с ноги на ногу, нелепо подпрыгивая при таком привычном для прежнего мира движении.

– Енисеев, ты мюрмю... спец по шестиногим, что скажешь?

– Шестиногие – это тараканы и вши, – ответил Енисеев резковато. – Муравьи – это муравьи!

Злило дурацкое положение, в котором очутился. Неужели за всю дорогу так и не проскользнуло, что пропавший испытатель – женщина? Или он такой прибацанный мирмеколог, что ни черта не слышит, не видит, не замечает каких-то деталей...

Дмитрий взмолился:

– Ради бога, шучу! Тараканы тоже хорошие парни, если спросить у тараканолога или тараканиста, а не у моей тещи. Ты скажи, можно сейчас убираться из этого ужасного места... или стоит чуть погодить?

Енисеев перехватил встревоженный взгляд Фетисовой.

– Да как сказать, – ответил он медленно. – С заходом солнца активность в самом деле падает... Незначительно, правда.

– Но в нашем случае, – добавила Саша быстро, – это может оказаться решающим. Так ведь, Евхрякий Влади... Енисеев?

Голосок ее был сладеньким, подлизывающимся, Енисеев несколько раз кивнул:

– Да-да... гм... да.

Дмитрий рассерженно оглядывался. Саша нашлась, задание выполнено, а пещеры стали вроде бы еще мрачнее, тоннели извилистее. Против огромных насекомых по-прежнему нет другой защиты, кроме унижительной для храбрых десантников мимикрии.

Зашуршало хитином, мелькнула темная тень. Дмитрий вспикнул, исчез.

Сильнее запахло кислотой. Муравей унесся, в трех шагах дальше с пола поднялся Дмитрий, сказал извиняющимся тоном:

– Чертяка слепая! Прет, не смотрит... Это впервые. Вот что, надо отыскать нишку. Если начали меня задевать, то вас до захода солнца вообще по стенам размажут!

– Вон в ту, – предложила Саша с готовностью.

Она подпрыгнула, зацепилась кончиками пальцев. Ее тело бесшумно скользнуло в темноту, словно вплыло по воде. Дмитрий влетел в нишу, словно пробитый с пенальти мяч. Енисеев сплоховал, но его вовремя подхватили, вдернули в каверну немногим просторнее кабины лифта.

– Для чего выдолбили? – сказал Дмитрий брезгливо. – Под потолком! Сказано, насекомые... Без ума, соображения.

– Это я выдолбила, – призналась Саша сердито. – Они хотели заделать, а я не дала. Надо же где-то отсиживаться?

– Остальные тоже ты? – удивился Дмитрий. Он вытянул шею, пытаясь в полутьме рассмотреть длинную анфиладу пещер.

– И с этой повозилась! Подручными средствами, как учили... Пришлось, а то все хватили, тащили...

– Теперь не потащат, – сказал Енисеев смущенно. Он все еще не мог адаптироваться. Не в муравейнике, здесь все привычно, а в присутствии храброго испытателя Сашки. – Вы уже пропитались здешними духами. Это пароль «свой – чужой».

– Это я усекала, – кивнула Сашка. – Не сразу, правда. А сперва отсиживалась, присматривалась.

Лицо Дмитрия вдруг посуровело. Он набычился, из глаз ушел блеск. Уже не друг Сашки Фетисовой, перед ним находился староста группы испытателей, завсектором оперативной подготовки.

– Рассказывай, – потребовал он.

Саша развела руками. Ее mezzo-сопрано стало глубоко несчастным:

– Глупо все... Ошалела от телячьей радости. Ну и потеряла, как говорит начальник первого отдела, бдительность. Что-то цапнуло сзади, будто какой дурень искал приключений. Не успела дать сдачи, как потащило с такой скоростью, будто меня рокер хватанул на полном ходу. Попробовала применить прием...

– Тебе бы только приемы, – вздохнул Дмитрий. Однако на Енисеева покосился гордо: вот мы какая круть, нигде не пасуем. – Головой тоже надо...

– ...но мне ответили таким, что именно без головы чуть и не осталась. Решила притвориться мертвой.

– Наконец-то, – буркнул Дмитрий. На Енисеева уже не косился.

– Притворяться особенно не приходилось, и так еле–еле... Потом хватка чуть ослабела. Я увидела, что меня, царицу природы, несет, как тряпичную куклу, паршивый муравей! Ну не совсем паршивый, паршивый не знает карате, а этот мог бы преподавать в нашей секции на две ставки...

– Давай без шуточек, – предупредил Дмитрий.

– Приволок меня в муравейник. Я сыграла дохлую. Меня швырнули к личинкам. Эти детки, скажу тебе, жрать умеют – будь здоров! Я дала деру. Бродила, выйти не решалась.

Енисеев помалкивал. Таких женщин он боялся больше всего на свете. Непонятно, что за комплекс ими движет, но самые хрупкие и женственные вдруг начинают заниматься карате, футболом, даже штангой. А знание приемов борьбы провоцирует, их хочется применять, только бы повод... Особенно в поединке с женщиной! Хорошо, что догадалась притвориться мертвой, выдолбила нишу для отсидки, даже пыталась говорить с муравьем. Но вряд ли «не решалась выйти». Что-то держит за спиной. А от этого «что-то» у самого вдоль хребта поднимаются волосы.

Дмитрий проговорил с великим облегчением:

– Хорошо, что хорошо кончается. Морозов – голова! Рискнул взять человека со стороны. Я бы не отыскал, никто бы из наших не смог... Кстати, тут попить-поесть поблизости ничего нет? Енисеев по дороге сумел, зато у меня уже голодные глюки начались: мед диких пчел, нектар, ветчина из гусениц, окорока из мух... Енисеев, какие запасы муравьи готовят на зиму? Еще Крылов говорил...

Без особой охоты Енисеев объяснил, что из всех баснописцев только наблюдательнейший Эзоп был прав, когда писал про цикаду и муравья, сушившего на солнце зерна. Зерна сушат муравьи-жнецы у нас, в Греции, в других странах. А вот после Эзопа пошла эскалация литературных нелепиц. Лафонтен заменил цикаду сверчком, а Сумароков вовсе превратил ее в стрекозу. И хотя у него она «просит подаянье», то уже у Неледецкого-Мелецкого «лето красное жужжала», отсюда всего шаг до «лето красное все пела». Стрекоза никогда не поет, в мягких муравах не бывает, это повадки цикады. Но, с точки зрения мирмекологов, еще большая ошибка в том, что муравей якобы делает запасы на зиму. Крыловская стрекоза напрасно рассчитывала прокормиться «до вешних дней», собственные запасы муравьи уничтожают к концу осени...

Дмитрий поднялся в темноте, как тяжелый сгусток мрака.

– Понятно. Окорока из мух не будет. Надо топать! Меня от недоедания корчи сводят. Здесь метаболизм ускорился, есть все время хочется.

– Тебе всегда есть хочется, – уличила его Саша. – Я же терплю!

– А ты всегда каторжанишь себя диетой. Фигуру, видите ли, держишь! Как баба.

Наверно, это было оскорбление, но только не для Саши. Она тоже поднялась, голос ее упал до таинственного шепота:

– Друзья, разве не замечаете?.. Это же лежит прямо на поверхности!

Енисеев насторожился. Дмитрий повернулся, ожидая разъяснения, затем спросил в лоб:

– Что лежит?

– Разум! – ответила Саша торжественно. Она выпрямилась, ее невысокая грудь торчала прямо. – Неземной разум, точнее – нечеловеческий. Готовимся лететь на другие планеты, к далеким звездам, ловим радиосигналы из чужих галактик... А чужой разум рядом!

ГЛАВА 10

Для Енисеева как будто рядом с силой поскребли ножом по стеклу. Чтобы не видеть одухотворенного лица десантницы, наклонился, нащупал ступни. Жаль, твердая кожа здесь рассосется за ненадобностью, нагрузка близка к нулю, а лучше бы, чтобы все наоборот: такой кожей покрыться бы с головы до ног! От микроорганизмов спасения нет, изгрызли. Кожа горит, словно сквозь заросли крапивы полз. Скоро микробы собственными трупами набьют его как чучело, антибиотики не спасут.

Возвращаясь в реальный мир муравейника, услышал жаркие слова:

– ...Сложнейшая организация, четкое разделение труда, разнообразная сигнализация, обмен информацией...

Сюда б научную экспедицию, подумал он завистливо. Да оснастить ее как следует... Вся наука бы выиграла, не только бионика! Львиную долю открытий взяли бы биологи: ботаники и инсектологи, но если здесь закрепиться, то стали бы прибыльными металлургия сверхчистых металлов, кристаллография, электроника...

В сознание прорвался бойцовский голос Дмитрия:

– А что? У мурашей образцово поставлена разведка. Сам шпиона видел. Разве шпионы не доказательство цивилизации? Нет?.. Гм... Система паролей, как сами видите, в лучшем виде, разные уровни допусков... А что молчит Енисеев? Он мурмо... словом, муравьед, ему и карты для покера в руки.

Енисеев ответил неохотно:

– Да, у муравьев сложнейшая социальная жизнь. Но о разуме специалисты не говорят.

– Почему? – спросила Саша с болью в голосе. – Профессиональная слепота?

– Профессиональные знания. Извини, ты неспециалист. Ничего, что я на «ты»?

Саша раздраженно отмахнулась:

– Сделай милость. Но разве мало открытий делали именно неспециалисты?

– Мало. Хотя делали. Правда, лишь в случаях, как говорят газетчики, когда шли по непроторенным тропам. С муравьями все ясно. Как и с ва... тобой. Ты кандидат в космонавты, жаждешь встречи с другими разумными существами. Даже готовишься к Контакту. Верно?

Саша почему-то смолчала, зато заржал Дмитрий:

– Она их даже во сне видит! Член общества по ловле НЛО, сопредседатель комитета Шамбалы, два раза искала Тунгусский метеорит... Енисеев, а не могут мураши в самом деле?... С виду парни хваткие. Вон у нас даже академики забывают свет тушить, компьютеры не обесточивают, пропуск предъявляют вверх ногами... А ты бы видел нашего замдиректора по идеологии! Сюда бы его на выучку.

– Надо идти, – ответил Енисеев. Он сам смутно удивился непривычной твердости в голосе.

Обрадованный Дмитрий едва не скакнул из ниши в тоннель раньше Енисеева, но сзади раздался висящий на последнем волоконец голоса Саши:

– Идите одни. Я не могу упустить шанс! Муравьи разумны. Доложите, что испытатель Фетисова установила личный контакт с одним из муравьев и в данный момент продолжает его развивать.

– Муравья? – спросил Дмитрий с недоумением.

– Контакт, дубина.

Они повернулись к Енисееву. Тот развел руками, опустил голову, чувствуя стыд за ошибки воинственной амазонки, словно совершил их сам.

– Контакт с муравьем? То же самое, что договориться с пальцем или даже с волоском на пальце. Увы, муравей не личность. Да-да, это всего лишь крохотнейшая часть организма муравейника.

В голове Дмитрия крутилась, как Енисеев почти видел, кассета с бесконечной лентой, фиксируя слова, интонации, гримасы Фетисовой и этого прибацанного мирмеколога. Что-то с этой ленты уйдет в долговременную память, что-то в оперативную, что-то сотрется по указанию руководства. Такая рассудочность мало кому нравится, над ней иронизируют – мы-де лучше! – но работают с такими охотно. Саша хмурится, дергается, выражает каждым жестом несогласие. С такими Енисеев работать не любил, но дружил... Нет, поправил себя, от этой натренированной на выживание супердесантницы предпочел бы подальше...

– Саша, – сказал он деликатненько, – то, что вы называете муравьем, всего лишь бесполоая самка. Да-да, бесполоая! Правильнее называть их не муравьями, а муравьяхами. Ладно, будем придерживаться традиции. У муравья нет даже пищеварения! Желудок есть, а пищеварения нет. Как ни корми муравья, он помрет с голоду, если не дать обмениваться пищей с другими муравьями. Я говорю доступно? Еда переваривается только во множестве желудков. Один желудок на всех! Такое встречное питание называется трофаллаксисом.

Голос Саши из темноты прозвучал натянутый, как тетива десантного лука:

– Установлено точно?

– Как дважды два. Нервная система тоже одна. Потому так самоотверженно идут самураи в огонь, на битву, верную гибель. Тех посылает общая идеология, а муравьев – общая нервная система. Для нее потеря нескольких сот муравьев что-то вроде царапины. Извини за прописные истины.

Дмитрий неторопливо подвел итог:

– Разумны или нет – решать не нам! На то есть начальство.

Он соскочил вниз, угодив на спину пробегающего муравья. Саша нехотя выпала следом, раскинув широко руки и ноги, словно вывалилась из люка транспортного самолета с парашютом и собиралась лететь долго-долго. Дмитрий с проклятиями поднялся из темноты, пропустил Енисеева вперед.

Они шли по узкому тоннелю, оскальзывались на плесени, наконец Дмитрий догадался пропустить Сашу в середину цепочки. Енисеев напряженно выбирал дорогу. Иногда шли в абсолютной темноте, а по запахам ориентировался еще на уровне личинки первого возраста. Не сразу услышал за спиной молящий голос Саши:

– Все-таки я очень хотела бы встретиться с руководством муравейника! Вождями, вожаками...

Во мгле громко квакнуло-крякнуло. Это был голос Дмитрия, который среагировал как-то непонятно. Енисеев ответил, не поворачиваясь и не переставая нащупывать дорогу:

– В муравейнике нет ни вождя, ни совета вождей. Весь муравейник – единый организм.

Чуть посветлело. Тоннель расширился, они двигались через анфилады сухих пещер размерами со станции метро. Муравьи сновали чаще, пришлось вжиматься в стены. Хитин как из жести, да еще по шесть крючковатых лап-штырей...

Поднимались выше и выше, наконец вошли в прогретый солнцем слой почвы. В кислородном запахе появились намеки на ароматы трав, цветов.

Вжавшись в ниши, долго выжидали, пока отряд суетящихся фуражиров протащит по тоннелю брыкающееся чудовище. Закованный в толстый хитин зверь расшвыривал мощными лапами фуражиров, те с сухим бильярдным стуком трескались о стены, метались, щелкали жвалами...

Наконец жука проволокли дальше. Дмитрий, который наблюдал за схваткой с интересом, не понимая опасности, вдруг сказал:

– Енисеев, ты споришь с неохотой.

– Любой спор – ошибка, если верить Дейлу Карнеги.

– Нет, просто тебе самому хочется заглянуть поглубже. По глазам вижу, они у тебя не очень брехливые. Идешь к выходу, а душа твоя отстала, сует потихоньку нос во все уголки, вынюхивает, высматривает. Сама пытается говорить с этими железными уродами, которых я уже не боюсь, как только Сашка нашлась... Так?

– При чем здесь наши личные пожелания? – ответил Енисеев с неохотой. – Нас послали сюда с определенной целью.

– Ага, угадал! Споришь, чтобы удобнее отпираться перед начальством? Мол, был против, а эти меднолобые настояли! Увы, Енисеев, мы лишены права настаивать. Ты сам, помнишь, взял полный над нами контроль. Мы с Сашкой самые маленькие винтики, всегда кому-нибудь подчинены. Так, Саша?

Саша промолчала, видимо, пожимала плечами или совершала невидимые в темноте жесты, затем проговорила с натугой:

– Да, конечно... По табели о рангах мы полностью подчинены вам, Евпаторий Владимирович.

А Дмитрий вроде бы вытянулся, попытался со стуком сдвинуть голые пятки. Даже в полутьме Енисеев увидел насмешку в его глазах.

– У меня понятный научный интерес! – ответил Енисеев, озлившись. – Вообще-то я собирался по дороге отвести... То есть лично я, исходя из интересов мирмекологии, намерен по пути заглянуть в королевские покои, уточнить некоторые спорные моменты... Но тем временем солнце закатится.

Дмитрий вытянулся по швам с таким рвением, что едва не перервался в поясе, как амеба при делении. Судя по звукам за спиной, Саша хихикнула, преувеличенно послушно зашагала за Енисеевым.

«По пути к выходу», это вместо тоннеля, где уже брезжил рассеянный свет поверхности, они круто свернули в дореволюционные штреки, какими их рисуют в старых учебниках истории, пошли вниз и вниз, минуя боковые ходы, пещеры, склады.

Впереди в пещере забрезжил странный свет, который принято именовать мертвым. Из серых земляных стен выступили белесые барельефы гнутых колонн, слоновьи хоботы, что шевелились, пульсировали, щупали стены, подбирали крохотные частицы. Земляная стена переходила в древесную, на ней светилась зеленоватая слизь, но в темные дыры не проникала. Старая мирмекологическая загадка: почему деревья, в корнях которых муравьи прогрызают дыры, здоровее, чем неповрежденные?

Все трое почти плыли в плотной уютной сырости. Резкий запах сменился густым ароматом гниющей древесины. Здесь надежно, покойно, муравьи двигаются замедленно, словно задумываясь над каждым шагом, и Енисеев тоже ощутил, что начинает замедляться, что сзади перестал отпускать шуточки Дмитрий, а Саша вовсе умолкла – женщины чувствительнее, а она, наверное, все-таки женщина, хоть и супердесантница.

Спотыкаясь, оскальзываясь, они вывалились в широкую пещеру с низким потолком. Почти половину пещеры занимала гора желтых коконов, похожих на гигантские зерна пшеницы. Коконны лежали вповалку в несколько слоев. На самом верху медленно двигались два некрупных муравья. Поводя сяжками, как дозиметрами, они неторопливо ощупывали коконы, перекладывали. Один вдруг бесцеремонно разгреб неподвижные коконы, вытащил пожелтевший, с пятном плесени, бегом ринулся прочь, едва не стоптав людей, явно торопясь подставить кокон под бактерицидные лучи солнца.

Енисеев не утерпел, выбросил вперед руку. Пальцы скользнули по восхитительно нежному шелку. Вот бы из чего кроить шорты! Даже комбинезоны.

Они спустились по крутому ходу, уступая дорогу муравьям, которых становилось все больше. Дмитрий взвизгнул, шарахнулся, как деревенская старушка, впервые увидевшая

панка. Расталкивая встречных, навстречу нес личинку рабочий муравей. Личинка была вся из наборных колец, как детская игрушка, резко извивалась, дергала подвижным хвостиком.

– Нег-г-годяй, – с трудом выдавил Дмитрий, губы у него тряслись. – Как он пихнул меня этим толстым червяком!

– Возможно, – предположил Енисеев, – хотел передать тебе.

– З-зачем?

– Ну чтобы дальше позаботился ты. Ты ведь тоже теперь муравей, судя по запаху. Правда, неполноценный, отбракованный. На охоту не годишься, а вот ухаживать за расплодом, чистить нужники...

Губы Дмитрия дрожали, он зябко поводил плечами. Енисеев поморщился. Ну да, от жаб бородавки, медянки ядовитые, а лягушки забираются к спящим рыбакам в раскрытые рты, чтобы развести в желудках потомство. Еще шаг – и можно всерьез говорить о телепатии, деревьях-людоедах, зеленых человечках.

Ход резко сузился, вывел в пещеру, где привыкшие к темноте глаза уловили рассеянный свет. Пещера под потолок заполнена целлофановыми тубами с полужидким творогом, какие Енисеев покупал в ближайшем гастрономе. Только каждая колбаска размером с саркофаг, не меньше.

Да, всего лишь обыкновенные личинки старшего возраста. Личинки – не куколки. Куколки неподвижные, уже озабоченные перспективой вот-вот появиться на свет, готовые переделать все работы, а личинки еще резвятся, пихаются, приподнимают острые кончики. Все голо-мохнатенькие: волоски растут редко, пружинят, не дают прижаться, так что воздуха хватает даже самым нижним в любой куче.

За спиной Енисеева снова взвизгнул, а затем разразился проклятиями Дмитрий. Саша замерла возле личинок, с удивлением рассматривая в полупрозрачных тельцах темные полоски ганглия. Черновой набросок муравья! В отличие от человеческого детеныша, где любое вмешательство исключено, здесь можно корректировать, улучшать, изменять, можно даже вводить новые свойства... Из этого эскиза можно сделать чертеж крупноголового солдата, широкобрюхого фуражира, миниатюрного няньку, длиннолапого строителя...

– Опять эти белые черви! – послышался стонущий голос Дмитрия. – Я червяков с детства... У меня на них аллергия!

– Это не черви, – бросил Енисеев сухо. – Мы только что миновали пещеру, где лежат куколки. Не отвратительные! Эти «белые черви» – те же куколки, только на месяц-другой моложе.

Дмитрий спросил угрюмо, все еще отворачиваясь:

– Это муравьиные гусеницы, что потом превращаются в муравьев?

Музыкальный голос Саши прозвучал кротко, даже печально, но в кротости ручейка крылась потенциальная Ниагара:

– Дурак ты, Митя, и не лечишься! Как же можно эту красоту сравнивать с паршивыми гусеницами?

ГЛАВА 11

Муравьи со всех сторон несли прожорливым личинкам мед, мясо. Некоторых утаскивали: младших – вниз, старших – в верхние этажи. Один из таких муравьев-няnek в который раз наткнулся на Дмитрия. Тот взревел, рванулся в сторону, личинку выбил у ошеломленного муравья прямо Енисееву под ноги.

Енисеев остановиться не успел, под ступнями упруго прогнулось. Личинка протестующе дернулась, завизжала в неслышном диапазоне. Муравей обеспокоенно подхватил ее, стал обливать, успокаивать. Лопаточка язычка трепетала, как огонек под сильным ветром.

Саша смотрела вокруг в благоговейном ужасе. Енисеев косился на нее с тревогой. Слишком много восторгов... Впрочем, здесь мир социальных насекомых. Они свое сообщество развивают десятки миллионов лет, есть чему удивляться. Есть потери, но есть и находки.

– Быстрее, – сказал он настойчиво. – Вы забыли, ради чего сюда шли?

Дмитрий сказал быстро:

– Ты прав. Там... наверху!.. солнце идет к закату!

Пещера, в которую они вошли, была размером с ангар. Белые личинки лежали горой до потолка. Дмитрий застонал, попробовал идти с закрытыми глазами, но сразу же упал на толстенькую и очень резвую колбаску, что выкатилась прямо под ноги, словно собачонка, готовая играть даже с незнакомыми бродягами.

Здесь Енисеева придержала за локоть зачарованная Саша. В двух шагах от них муравей насел с кормовым яйцом на личинку: надкусил плотную оболочку, поднес личинке ко рту, терпеливо ждал, пока та глотала. Насосавшись, личинка осоловела и заснула. Муравей потормошил ее усиками, снова прижал заметно похудевшее яйцо к ее маленькому рту. Личинка капризно дернулась, извернулась, но муравей настойчиво прижимал яйцо к ее мордочке. Личинка вяло плямкала, муравей энергично сжимал лапами яйцо, выжимая оттуда сметанообразную жидкость. Когда личинка наотрез отказалась доедать, муравей поднес наполовину выпитое яйцо другой, постарше. Эта личинка, не столь привередливая, бойко выпила остатки, после чего муравей вытряс ей последние капли, а пустую оболочку съел сам.

Енисеев с сожалением высвободил локоть. Пальцы Саши на удивление тонкие, женские, от них все еще идет тепло, но там, на поверхности, солнечное тепло уходит из воздуха, надо спешить. В отличие от бравых испытателей, которые увидели только верхушку айсберга и то раскрыли рты, он заметил тонкости трофаллаксиса между взрослым муравьем и личинкой, заметил... Эх, надо спешить!

Когда они пробирались через пятую пещеру, заполненную разновозрастными личинками, Дмитрий не выдержал:

– Когда же кончатся эти свалки безногих червяков?

Саша молниеносно повернулась, как барс, выпускающий когти, вся наэлектризованная, рассыпая искры, но Енисеев поспешно вклинился:

– Не черви, это дети муравьев. Наши младенцы еще отвратительнее! Орут, пачкаются, ничего не умеют... Но гадкими покажутся разве что марсианам. Так?

От Саши хлынули волны тепла, благодарности. А Дмитрий удивился:

– А эти черви... то есть дети благородных муравьев, разве не гадят?

– Нет, – ответил Енисеев.

Они карабкались по трудному участку, он замолчал, но Саша вскоре догнала, потербила его за плечо.

– Воздерживаются, – объяснил Енисеев, – чтобы не пачкать друг друга. Они же в куче... Только перед окукливанием выбрасывают ма-а-аленький шарик мекония. Такой твердый, что

смело можно брать в руку, как делал юный Гаргантюа. Эти шарики чистюли-муравьи тут же уносят. К нам, на поверхность. Здесь же все надраено, как на военном корабле! Разве не видно?

Когда впереди показалась очередная пещера, Дмитрий захохотал, поплелся в отдалении. Вместо личинок, к великому облегчению Дмитрия, там большими ломтями творога белели комья крупных градин. Муравьев – ни одного, а яйца, сплетенные по три-пять штук, лежали без присмотра.

В следующей пещере уже сустились муравьи. Точно такие же пакеты яиц облизывали, перекладывали с места на место. Некоторые яйца, нежнейше взяв в жвалы, носили по пещере, словно нянчили.

– Старшие яйца, – объяснил Енисеев, прислушиваясь. В воздухе появился новый запах. – Чем старше яйцо, тем чаще его тревожат. Скоро из него вылупятся крохотные личинки.

– Они вроде бы покрупнее, – сказала Саша медленно. – Разве яйца растут?

– У муравьев растут. Только у примитивных насекомых в яйце есть все необходимое, а у высокоразвитых...

Дмитрий ожил, не видя отвратительных личинок, сказал с подъемом:

– У курицы тоже все в яйце! Съели?

Саша сказала раздраженно, в ее глазах блеснули хищные огоньки:

– Твоей курице до муравья что плотнику до столяра!

Пора заткнуться, подумал Енисеев. Саша любую информацию воспринимает как доказательство разумности, даже превосходства муравьев над людьми. С неофитами всегда трудности...

Дмитрий же сказал с мрачным удовлетворением:

– Ладно, пусть! Червяки кончились, а яйца стерпим. Значит, скоро притопаем в королевский зал этого вывернутого наизнанку небоскреба?

Он вытащил Дюрандаль, но зацепился за стену, с проклятиями сунул обратно за пояс.

– Скоро? – переспросил Енисеев с тревогой. – Сплюнь!

Дмитрий дисциплинированно попытался выполнить приказание, удивился:

– Не получается!

– Упомянешь в отчете, – прервала Саша. Она дрожала от возбуждения. – Ребята, побыстрее бы...

Следующая пещера оказалась намного ниже. Оттуда тянуло сыростью, холодом, незнакомыми запахами. Все трое вышли из расширяющегося хода и застыли.

Знаменитая Мамонтова пещера рядом с этой показалась бы камеркой. Вместо потолка царилась ночь, стены уходили в бесконечность. В призрачном привиденьевом свете, что заливал все светящимся ядом, вдаль уходило поле прозрачных столбиков – им до пояса, толщиной в руку, только верхушки заканчивались белесыми шарами, похожими на цветную капусту.

Среди марсианских растений проскальзывали легкие полупрозрачные тени. Дмитрий застыл, подняв ногу и глядя на Енисеева вытаращенными глазами, признавая за ним право отдавать самые дикие приказы.

– Не ломиться же напрямик, – решил Енисеев после паузы. – Пойдем по краю. Зал царицы – следующий! Теперь это точно.

Он буднично пошел в обход поля призраков. Дмитрий догнал его петушком, спросил потрясенно, почему-то шепотом:

– Что это?

– Где? – не понял Енисеев. – А, это... Обыкновенная плантация гриба септоспориум.

С другой стороны мигом очутилась Саша, ее большие глаза вспыхнули, как фары самосвала.

– Плантация? Это грибы культурные?

Высматривая дорогу, Енисеев забыл о намерении держать язык за зубами и ответил чистосердечно:

– Конечно. Этот сорт вывели сами муравьи. Как и весь вид.

Дмитрий шумно ахнул:

– Эти шестиногие? Фуля... фулигинозиусы?

– Ого, какая память! Еще бы и мою профессию запомнил. Многие муравьи – мичуринцы-селекционеры. Выводят такие сорта, что нам и не снилось. Это самый богатый белком гриб. Самый богатый в природе.

Дмитрий оглянулся на стеклянные столбики:

– А нельзя... к нам на корабль? Если до Венеры, скажем, а то и до Марса...

– Все можно, если уговоришь муравьев заботиться о плантациях. Пока только они умеют возделывать. Мы – нет.

Дмитрий остановился, присел. Вблизи медленно пробирался между столбиками крохотнейший муравей размером с кошку. Саша застыла, даже Енисеев косился на муравья-грибника с интересом. Почти прозрачный, сквозь желтоватый хитин просвечиваются внутренности, ганглий разветвлен, хорошо вздувается в голове, пуская четыре черных шнура к сяжкам, минуя невидящие глаза, но зачем-то утолщается еще и в стебельке, соединяющем брюшко и тщедушную грудь...

Когда муравей оказался почти рядом, Дмитрий вскочил, занес ногу для пинка. Саша оттолкнула друга, зашипев: «Маленьких бьешь, а больших боишься?» Крохотный муравей скользнул между просвечивающимися булавами, жвалы блеснули как электрический заряд. Стеклянная палица вздрогнула. На прокушенном месте начала вздуваться прозрачная капля. Муравей припал к ней крохотным ротиком, по тельцу прокатилась волна. Раздулось брюшко, темные сегменты разошлись, между ними выявилась прозрачайшая пленка. Сегменты как бы бежали за волной сока, пытаясь настичь и зажать в жесткой ловушке трубы.

Когда муравей ушел, капля вздулась до размеров футбольного мяча. По всей плантации висели молочно-белые шары, иногда на верхушках, но чаще сбоку – на уровне жвал. В густой щетине столбиков сновали такие же прозрачные муравьи, старательно выкусывая только им видимые сорняки, сгрызая ненужные почки, разрыхляя почву, увлажняя из зобика, подкармливая корни.

Енисеев шагал, пока в полутьме не напоролся на острые громаднейшие жвалы. Таких громадных еще не видел. Дорогу перекрывали гиганты. В полумраке смутно вырисовывались мощные спины, угловато торчали мускулистые ноги. Очертания растушевывались, но прямо перед Енисеевым медленно и словно сладострастно раздвинулись скобы чудовищного капкана. Справа и слева тоже приглашающе распахивались жвалы.

Между королевскими стражами из пещеры, в которую они ступили, просачивался пряный бодрящий запах. Под ногами проскользнул муравьишка, держа в жвалах жемчужину. Енисеев проводил его взглядом. Муравей-нянька унес из королевской палаты только что отложенное яичко!

За спиной Енисеева послышался шумный вздох:

– Добрались!.. До Марса ближе. Ну и жизнь...

Енисеев напряженно раздумывал, его сердце возбужденно прыгало.

– В королевских покоях нам ничего не грозит, но как туда попасть? Солдаты здесь самые злые, недоверчивые. Они сознают, что охраняют самое ценное.

– А пароль? – спросил Дмитрий.

Саша посмотрела на него удивленно и с надеждой. Енисеев покачал головой:

– Не сработает.

– Другая система допуска?

– Могут заметить, что мы не совсем муравьи. Здесь много нахлебников, шатаются по всему муравейнику, но сюда... Сюда только чистопородных. Даже не всякого муравья пустят.

– Арийцы, – буркнул Дмитрий. – Партия внутри партии! Масоны... Так как же проникнуть в особую зону?

Енисеев измерил взглядом двойной ряд стражей, вход в пещеру. Между потолком и головами щель. Если повезет, даже сяжки не заденешь...

– Прыгнуть? – спросил Дмитрий. – Это я могу! Первое место в универе держал!

Он отступил, напряг и распустил мышцы. Пока он примеривался, качался взад-вперед, набывчивался, вперив бараний взгляд в меняющийся зазор между головами стражей и потолком, Саша в два прыжка разбежалась и прыгнула.

– Сорвиголова! – воскликнул Дмитрий в тревоге. – Всегда она так... Что за болезнь – доказывать...

В прыжке его тело вытянулось, но коленями задела метелки сяжек. Тут же двое чудовищ подпрыгнуло, щелкнули жвалы. Из черноты начали подниматься на длинных лапах пугающие огромные тела, по своду с шуршанием заскребли антенны.

Енисеев в бессилии сжал кулаки. Щель перекрыта, испытатели одни! Задержав дыхание, он быстро пошел вперед, лавируя между огромными телами, закованными в твердый хитин. По телу забегали жесткие сяжки, Енисеев ответил жестом спокойствия, а сам поспешно с усилием продавился между плотно сомкнутыми телами. Плечи и бока заныли, покрываясь глубокими царапинами.

Он окунулся в море сладкого запаха. В центре пещеры колыхалось раздутое, как аэростат, и такое же огромное брюхо. Сама царица была маленьким придатком к собственному брюху. Беспреданно и жадно ела, вечно мучаясь от голода. Няньки, отталкивая друг друга, наперебой совали ей в пасть самое лакомое, облизывали брюхо, даже покусывали.

– Балдеют, – проговорил Дмитрий, стараясь держаться мужественно, хотя сильно побледнел. – Верноподданнический экстаз?

Царица тяжело приподнялась на длинных ножках, выдавила из брюшка крохотную блестящую капельку. Муравей-нянька бережно снял жвалами крохотное яичко, со всех ног бросился из пещеры.

У Саша дрожали от волнения губы, голос сорвался до сипа:

– Мозг муравейника, его сердце! Наконец-то я смогу...

Дмитрий не утерпел:

– Мозг или сердце?

Енисеев сказал с тяжелым сердцем, говорить неприятные вещи всегда трудно:

– Видишь вон те яйцевидные трубочки? Их у царицы два десятка, в каждой по восемьдесят яиц. Сейчас она откладывает примерно пять-восемь в час. Но бывают дни, когда сносит по два-три яйца в минуту! Весь муравейник держится на ее плодовитости, и ум здесь ни при чем. Как с ней разговаривать? Все ее существо нацелено на скорейшее воспроизводство. Сейчас она фактически глуха, слепа... Извини, но это аксиома мирмекологии.

Дмитрий осторожно обходил царицу, пугливо давая дорогу суetyающимся нянькам. Темные сегменты невероятно раздутого брюха выглядели тонкими полосками на вздутом целлофановом мешке горячего молока, которое кипело, бурлило, творило сгустки жизни. Присмотревшись, можно было увидеть, как те кишмя кишели, толпились, стремясь поскорее попасть в яйцевые трубочки, похожие на спаренные трубы миномета.

– Да, – сказал Дмитрий сожалеюще. – Не хотелось бы, но Енисеев прав. Мне самому жалко, но сейчас я понимаю, что на свете нет ни деревьев-людоедов, ни Бермудского треугольника, ни разумных муравьев... Правда, отсюда мне кажется, что и Марса с Венерой тоже нет...

Саша, дрожащая как осинный лист, остановилась перед глазами царицы. Длинные сяжки с истертыми метелочками коснулись ее, но движение было чисто механическим – даже

Дмитрий понял. Существо царицы сосредоточилось на конце яйцевода, где в этот момент совершалось самое важное, ради чего она жила...

– Мы тоже разумные, – заговорила Саша звенящим голосом, – мы люди...

Енисеев с неловкостью отвернулся. Даже Дмитрий не выдержал:

– Саня, не смейся муравьев! Вон один уже убежал... Любой из тех, кто носится за жуками наверху, разумнее этой квочки. Если и на Марсе будем так крепить контакты, то в космос лучше не рыпаться.

Саша протягивала с мольбой руки к муравьиной царице, говорила и говорила, то повышая, то понижая голос, пока Дмитрий не схватил ее за плечи и не потащил к выходу.

ГЛАВА 12

Обратный путь проделали молча. Когда впереди забрезжил свет, Дмитрий ожил, начал насвистывать про казака Голоту. Солнечный круг приблизился, запахло травами, сухим воздухом.

Дмитрий выбежал первым, не убоившись растолкать стражей. Под жарким, пронизывающим его насквозь солнцем он вскинул темные кисти рук с розовой плотью, что просвечивали как кисель, спросил опасно:

– А точно доказано, что они глухие?

– Точно, – заверил Енисеев. Он жадно рассматривал сообщество исправно работающих уже в другом режиме самых невероятных существ: печени, почек, неумимо сокращающегося мешочка сердца...

– Ур-р-р-ра! – заорал Дмитрий диким голосом. – Долой темный и мокрый мурашник! Да здравствует теплое золотое солнце!

Саша дернулась, ее бледное лицо оставалось таким же снежно-белым, только глаза на свету оказались синие-синие, как васильки, а коротко постриженные волосы блестели золотыми искорками. Не будь она сверхтренированной десантницей, могла бы сойти за сказочную принцессу.

– Дур-р-рак, – сказала она с отвращением. – Набитый дурак.

Дмитрий, не слушая, пустился в пляс. При каждом притопе он взлетал на высоту в два роста. Муравьи останавливались, шевелили сяжками. Подбежал санитар, привычно провел мохнатыми щупиками по замершему в панике существу. Пока уточнял диагноз, Енисеев смотрел, задрав голову, в темные тяжелые тучи. Там началось медленное шевеление, рокотание.

– Евламп! – послышался отчаянный вопль Дмитрия. – Енисеев!

Санитар уже волок его за ногу. Десантник вырваться не смел, муравей похож на законного в доспехи быка. Енисеев догнал их, переговорил с муравьем, сам не понимая половины слов, санитар неохотно и с заметным колебанием разомкнул жвалы. Дмитрий вскочил и, ковыляя, поспешно отбежал.

– Куда он меня? – спросил он с дрожью. – Обратно?

– В лазарет или на кладбище, – пояснил Енисеев.

– Господи, всегда в последний момент какая-нибудь пакость случается!

Над ними начало быстро темнеть, громохание стало громче. Саша сказала Енисееву:

– Наблюдатели. Заметили нас, сейчас спустят площадку.

– Он знает, – сказал Дмитрий. – Вот и конец самому долгому выходу... Честно говоря, не ожидал, что кабинетный ученый сам возьмет на себя всю ответственность. Не увиливал от нее, а взял всю полноту власти.

Саша быстро повернулась к Енисееву. Ее измученные глаза быстро пробежали по лицу мирмеколога:

– Вас командировали по допуску? А-четыре прим?

Енисеев пожал плечами, а Дмитрий кивнул:

– Да. Он сам настоял. Вся полнота власти, полное руководство операцией.

Енисеев смотрел вверх. Из туч вниз опускалось сгущение мрака, потом начало оформляться в поблескивающий предмет, наконец оформилось в металлический куб с грубо сделанной дверцей.

Саша тоже вскинула голову, сказала быстро-быстро:

– Подождите! Вы вправе отсрочить возвращение... Это ненадолго. Я очень прошу вас. Евпатий Владимирович, Енисеев! Давайте заглянем вон на тот подмаренник. Это займет минуты, зато там такое увидим... такое! Я обещаю.

Дмитрий нахмурился. Его щеки запали, глаза горели голодным блеском. Когда он смотрел на Сашу, глаза его вспыхивали еще сильнее.

Енисеев ответил, чувствуя, как у самого дрожит голос:

– Я занимаюсь муравьями. Только муравьями! Вы здесь побываете еще не раз, а я... Конечно же, я полностью за то, чтобы задержаться на несколько минут. Но условимся! Раз делаем вид, что это я велю изменить маршрут, то вы должны слушаться меня беспрекословно. Как слушались бы своего ефрейтора... Ах, вы лейтенанты? Тогда как маршала.

Саша шагнула к нему, губы ее сложились трубочкой, словно бы хотела поцеловать. Енисеев отшатнулся. Дмитрий помахал рукой, металлический куб опустился почти на самые головы, бросая на землю яркие блики, повисел, затем его потянули вверх теми же неровными толчками. На полпути завис, начал опускаться, раскаты стали грохочущими. Боги спорили. Наконец куб ушел вверх.

– Послушались... – прошептала Саша, в глазах ее было изумление.

– Ты бы видела, как он их при отправке взял за горло, – подтвердил Дмитрий гордо, словно это он осмелился нажать на всеильного Морозова.

Енисеев императивным жестом «голоден, очень голоден» приковал к месту толстенького чистенького муравья. Тот с готовностью присел, задрал голову, жвалы раздвинулись. Плотный золотистый шар засверкал солнечными зайчиками.

Енисеев сунул голову между острых зубцов, золотистый шар начал уменьшаться. Дмитрий сопел завистливо, Саша судорожно дергалась поблизости, лицо ее побледнело еще больше. Дмитрий как сомнамбула приблизился к Енисееву и, едва тот оторвался от источника меда, поспешно занял его место.

Сперва, как и полагалось, поглаживал муравья по голове, сяжками делал ритуальные движения, потом так увлекся медом, что только держался за основание усиков, словно за рукояти управления «МИГ-29С». Сверкающие жвалы, способные в один миг перекусить человека, касались острыми зубцами шеи Дмитрия, но на пиру смерть не страшна, и Дмитрий ни на что не откликнулся, поглощая сытно пахнущий мед.

Енисеев впервые ощутил, как напряжение уходит. Он облегченно засмеялся, а Дмитрий, сытно отдуваясь, небрежно разомкнул жвалы, чтобы вытащить голову, погладил ладонями вздувшийся живот. Саша стояла как соляной столбик, глядя на них, особенно на Дмитрия, во все глаза.

– Здорово живут, скажу вам, – проговорил Дмитрий довольно. – Что жрут, что жрут!.. Да, муравьем жить можно. Енисеев, я готов задержаться. Что нам несколько минут? Да хоть на сутки! Только не дадут, пинцетом пособирают...

Он указал большим пальцем в колыхающиеся тучи. Енисеев сказал, смеясь:

– Смотри, куда муравей понесся!

– Куда... Обрато на дерево. А что?

– Ты забрал у него весь запас. Куда в тебя столько влезло?

Дмитрий оскорбленно повел крутыми плечами.

– На аппетит я никогда не жаловался. Даже в прозекторской когда-то работал лаборантом, и то садился там перекусить бутербродами. В моем роду умели поест! Потому росли мужики, а не хлюпики. После такой еды я на все готов. Енисеев, ты, когда еще увидишь такого... ну, с медом, толкни, а?

– Понравилось?

– Винюсь, зря костерил их. Теперь же, когда поел ихнего хлеба...

Саша жалобно пискнула, отыскивая голос, убежавший чуть ли не до кабинета Морозова:

– Евлампудий Владимирович!.. Дима... Вы меня на уши поставили. Мирмеколог – еще понятно, но ты... ты ж прямо обнимался с этим страшилищем!

Дмитрий коротко хохотнул:

– Хорошие парни. Бравые, открытые, простые. Совсем как я! Все наше невежество. Расисты мы малость. Чую, подружимся...

Саша покосился наверх:

– Представляю, что наснимали кинооператоры. Мы за этот рейд продвинули программу на год вперед. Если не больше.

На взгляд Енисеева, ствол подмаренника был толще баобаба, однако во всем чувствовалась непрочность конструкции, рыхлость. Там, в мире больших людей, чудовищное тяготение уплотняет клетки даже в самом крохотном деревце, диктует форму, зато здесь для Конструктора простор, для фантазии раздолье!

Солнечный луч высветил сквозь тонкую кору вздутые соком клетки, продолговатые кабели волокон, соединительные ткани. Все пропитано холодным замутненным соком, что медленно движется от невидимых корней, несет наверх питание, строительный материал...

Саша подпрыгнула, ловко побежала вверх, цепляясь за микроскопические трещинки. Дмитрий скакнул еще выше – после медовухи сила играла, готов драться хоть с тигром, хоть с кузнечиком, – побежал на четвереньках, едва ли уступая в скорости фуражиру.

Стараясь не выглядеть особенным растяпой, Енисеев спешил следом, пугливо шарахался от бегущих вниз муравьев. Дважды сбивали, зависал на кончиках пальцев, но какие могучие, оказывается, у него пальцы!

Саша и Дмитрий ждали его у развилки. По двутавровой балке упругого черешка перебежали на широкий, как поле стадиона, лист. Поверхность мерно покачивалась в теплых токах воздуха. В Большом Мире Енисеев запросил бы у стюардессы гигиенический пакет, здесь же только присел, чтобы не сбросило толчком воздуха.

– Вот мой козырь, – сказала Саша.

Посередине листа стадо полупрозрачных пузырей, касаясь друг друга раздутыми блестящими боками, дружно тянуло из зеленых вздутых клеток хоботками слабый сок, стущая в удивительных телах, изгоняя избыточную влагу. Вокруг этих существ, от которых за версту несло беззащитностью, грозной цепью застыли черные муравьи в непроницаемых для солнца литых доспехах. Над массивными головами медленно шевелились суставчатые антенны, регистрируя запах, колебания плотности воздуха, концентрацию ионов...

Мимо стражей, ответив на пароль, к тлям пробегали фуражиры. Умело доили, то есть щекотали усиками, после чего у тли на конце брюшка произвольно выступала прозрачная сладкая капля. Опорожнив три-четыре тли, раздутый, как бочонок, фуражир мчался со всех ног обратно.

Саша и Дмитрий уже обошли стадо, держась в сторонке от грозной стражи. Енисеев передернулся. Сейчас пойдет дилетантское: муравьи разумны, ведь пасут скот, охраняют! Еще не знают, что муравьи выводят среди тлей наиболее медоносные породы, остальных – под нож, на зиму загоняют тлей в подземные коровники в непромерзающем слое, кормят, а ранней весной выгоняют на заранее разведанные пастбища. Не брякнуть бы, что после миллионлетней селекции рот фуражира и задний сифон тли совпадают с точностью зажимов брандспойта...

Сильное завихрение воздуха бросило его на лист. Засмеялся Дмитрий, он держался, как моряк на качающемся паруснике, но вдруг сам взвизгнул, его ноги запрыгали прямо перед лицом Енисеева.

Саша крикнула встревоженно:

– Евласиарий Владимирович, что с ним?

– Со мной все в порядке, – огрызнулся Дмитрий. – Меня свалить не так просто. Какая-то муха-дура набросилась сослепу! Будто я медом намазан!

– Может быть, выступает? – предположила Саша встревоженно. – Переел?

Дмитрий ответил нечленораздельно. Енисеев поднялся, развернул Дмитрия к себе спиной. Под лопаткой десантника вздувалось белое блестящее яйцо. Оно быстро темнело, принимая цвет загара, становясь неотличимым от кожи, даже просело, превращаясь в полусферу.

Пальцы скользили, а яйцо погружалось, раздвигая непрочную кожу. Саша грубо отстранила мирмеколога, рванула. Раздался слабый треск, и в ее ладони осталось яйцо с лоскутом окровавленной кожи.

– Что... это? – спросила Саша. В ее глазах было отвращение, она держала яйцо на вытянутой руке. Яйцо вдруг пошло пятнами, на нем появились зеркальные отпечатки ее пальцев, укрупненные ногти.

Енисеев хмуро указал на муравьев. Воздух закручивался маленькими смерчами, ходил ударными волнами от налетевшей стаи огромных мух. Они лавиной обрушились на стражей и фуражиров. Запахло нечистотами, гнилью. Самые расторопные из стражей на лету хватили мух, лязгали жуткие жвалы, затем фуражиры с торжеством тащили вниз двойной груз: в брюшке мед, в жвалах – мясо. Но самые расторопные из мух успевали мгновенно припечатать яйцо муравью на спину, а то и на голову. В те места, где муравью яйцо не достать...

– Или мухи полные дуры, – сказал Дмитрий недоумевающе, он еще морщился, выворачивал руку за спину, словно ее выкручивали невидимые дружинники. Щупал ранку. – Или мураши в последние дни... то есть миллионлетия, поумнели!

Между стражей и фуражирами сразу засновали крохотнейшие муравьишки. Не бойцы, не работники, так, муравьиная челядь: мигом снимали яйца паразитов, заботливо облизывали пораженные места.

– Во языки, – сказал Дмитрий пораженно, – мне бы так полизали...

– Сказать? – предложил Енисеев.

– Не надо, – отшатнулся Дмитрий. – Я имел в виду Сашку...

Вылизанный хитин заблестел, словно кирасы суворовских чудо-богатырей. Муравьи снова бдили, пасли, уже забыв про глупых мух. Их защита, которую может дать только общество, абсолютно защищала от виртуозного нападения, смертельно опасного для насекомых-одиночек.

Саша прошептала потрясенно:

– Вот видите?.. Этого даже я не видела... Это же коллективные действия! Взаимопомощь! Разум!

Не слушая ее, Дмитрий осторожно подвигал лопатками, скривился:

– Мурашам жить проще. Шкуры нет, мослы снаружи... Нам бы!

Саша повернулась к Енисееву. Лицо ее было бледное, в глазах гнев перемешивался с мольбой.

– Скажите же вы! Разве не разум? Я открыла, что муравьи пасут, доят, охраняют! Видно же!

– Мне видно, – уточнил Енисеев, отводя глаза, – что лазиусы пасут формикарум вакка. Муравьиных коров то есть. Так их назвал Карл Линней.

Саша побледнела как смерть:

– Если еще Линней знал...

Енисеев опустил голову, не в силах видеть отчаянное лицо супердесантницы:

– Один видный исследователь, когда увидел изобретательность муравьев Экофила, сооружающих висячее гнездо, в запальчивости воскликнул: «Думайте обо мне что хотите, но если строительство такого гнезда инстинкт, то изобретение паровой машины тоже инстинкт!»

Саша радостно вскрикнула, словно пробовала взлететь, но Енисеев вынужденно резанул серпом по радужным крыльям:

– Муравьи тлей разводят по всему миру. Не только пасут и охраняют, но и занимаются селекцией. Этого вы, без сомнения, не знали? Отбирают сладконосные породы, остальных –

на мясо. Средняя семья муравьев заготавливает за лето сто килограммов сухого сахара... Ну вам такое? Все-все, молчу! Посмотрели, хватит.

ГЛАВА 13

Он первым стал спускаться вниз. От него струилось раздражение. Енисеев еще не знал, что у раздражения есть особый запах, но хищные жучки и паучки сами шарахались с его пути.

Саша все-таки промямлила сзади несчастнейшим голосом:

– Но если это не разум...

– ...то постройка парового молота тоже инстинкт? Связи муравьев и тлей давно изучены и переизучены. Здесь копать нечего. Если на то пошло, грибница в муравейнике – ступень выше! Здесь всего лишь пастушество, скотоводство, на уровне монголов Чингисхана, а в муравейнике – развитое земледелие, агротехника, мелиорация, гибридизация. Муравьи постоянно выводят новые породы! Не только грибов. Каждый год обнаруживаем в муравейниках новые виды жучков, разных насекомых. Зачем их создают муравьи? Для дела или забавы? Если уж так вам хочется, поломайте голову над этой сложной мирмекологической загадкой.

Спустившись с подмаренника, Дмитрий и Саша переглянулись, все трое длинными прыжками понеслись на запад. Там догорало заходящее солнце, и там высилась серая стена Переходника. Наверху протестующе загромело, по земле побежали яркие блики, высвечивая листья, пугая зверье. Енисеев порывался сказать, что пора вызывать лифт, но оттягивал, медлил... Если эти двое хотят своим ходом добраться до Двери, то ему сам бог велел. Они еще побывают здесь, а он вряд ли. Никакой опасности. Дверь близко, а воздух еще теплый.

Впереди показались черные лазиусы, они как-то странно бережно волокли крупного рыжего муравья. Чужой муравей не сопротивлялся, хотя за счет неимоверно раздутого брюха был впятеро крупнее. Его острые жвалы хищно загибались, такими ни копать, ни строить, только убивать...

Однако его тащили как пленника. Черный лазиус лихо ехал на спине рыжего, деловито шупал его сяжками, словно снимал мерку.

– Лазутчик? – сказал Дмитрий с профессиональным пониманием. – Группа захвата возвращается с задания?

– Анергатис, – ответил Енисеев напряженно, – хотя на Библии не поклянусь.

– Неважно, – отмахнулся Дмитрий. – Анергатис... Где-то с ней уже сталкивался. Анергатис, Анергатис... – Под изумленным взглядом Саши, продолжая изумлять ее эрудицией, почесал в затылке, вдруг просиял. – Вспомнил! На той неделе видел афишу возле метро. Амнерис, Радамес, Аида... Оттуда?

– Верно, – ответил Енисеев с легким изумлением. – Тоже из Египта. Какая у тебя великолепная интуиция! Эта самка ищет чужой муравейник для внедрения. Когда ее притащат к лазиусам, она убьет старую самку, начнет собственную кладку. Муравьи подмены не заметят, такие они разумники! Постепенно старое поколение вымрет, вместо него появится новый вид. Уже рыжие, дети этой Лисы Патрикеевны.

Саша остановилась так резко, словно влетела в невидимое силовое поле и завязла там, как доисторический муравей в капле янтаря. Дмитрий нетерпеливо оглянулся:

– Саша, что случилось?

Саша спросила сдавленным голосом, словно ее держали за горло:

– Ты говоришь об этом спокойно?

Енисеев ответил в академической манере, как отвечал студентам-олухам, не умеющим отличить формика руфа от формика пицца:

– А что можно сделать? И надо ли? Они так живут уже миллионы лет.

– Ты говоришь так спокойно! – повторила Саша тоном генерального прокурора. – Академик!.. Превыше мирской суеты... А эта гадина, ты только посмотри на нее, сейчас уничтожит всех наших муравьев!

Енисеев удивился:

– Наших? А какие не наши?

Саша задохнулась от возмущения. Глаза сверкнули, Енисеев не успел шелохнуться, как она бросилась догонять кортеж. Дмитрий развел руками и поднял лицо к небу, видимо призывая зеленых человечков с НЛО в свидетели, что удержал бы, если бы сумел... Правда, теперь над ними, закрывая небо, колыхались совсем другие тучи.

– Что с ней? – встревожился Енисеев.

Дмитрий молча приставил большой палец к виску и помахал остальными, но смотрел с укоризной на мирмеколога. Енисеев раскрыл было рот, чтобы оправдаться, но Дмитрий сорвался с места, как ракета «земля – земля», догоняя супердесантницу.

Енисеев впервые растерялся. Ненормальные? То замирают в страхе, когда на самом деле бояться нечего, то рвутся в заступники... смешно сказать, муравьев! Дескать, в их доме гостили, их хлеб ели... Или он уже старый, не понимает молодых? Впрочем, десантники всю жизнь остаются молодыми. Им умнеть по Уставу не положено.

Ноги медленно, а потом быстрее несли его обратно. Знал бы, забросил идею, что именно рыжие разумны, а остальные – вроде обезьян. Ведь мы, осуждая убийства, пока что не отказываемся от сочной отбивной? Не будем отнимать и у муравьев...

Он добежал до муравейника, ахнул. Неужели эти двое решились войти в муравейник, только бы помешать рыжей самке Анергатис уничтожить гнездо черных лазиусов? Как же их тренируют, чему учат?

Быстрые сяжки, царапая, пробежали по его телу. Енисеев протиснулся через заслон панцирей, лап, жвал, углубился в тоннель. В темных переходах догнать не удалось, зато добавил синяков, ссадин, царапин. Навстречу поднимались запахи сырости, здоровья, защищенности, но был и другой запах – острый, возбуждающий, пьянящий.

Цареубийцу он увидел в тот момент, когда кортеж проходил внутреннюю стражу. Те развесили сяжки, только один пытался задержать вторжение. Енисеев впервые взял шпагу в руки, но стража успела сомкнуть за молодой самкой ряды. Он налетел на твердые, как камень, головы, шипастые панцири. Отступил в бессилии – почти на расстоянии вытянутой руки удалялись раздутые сопла яйцекладов, делающие Анергатис похожей на космический корабль.

Вдруг острая боль стегнула по нервам. Енисеев обернулся, его рука была в жвалах бдительного стража, темные фасеточные глаза смотрели мертво, без выражения. Так мог бы смотреть оживший шахтерский комбайн через миллионы лет после исчезновения человека...

Муравей дернул головой. Енисеева бросило вперед. Он поджал ноги, скрючился. Муравей на бегу задевал им стены, потолок, Енисеев не шевелился, даже задержал дыхание. В третьей пещере, когда муравей уже привык к его неподвижности, Енисеев быстро выдернул руку, ногами ударил муравья в грудь. Острые жвалы хрястнули зубцами возле лица, но Енисеев толчком уже забросил себя под потолок.

Муравей обозленно пометался внизу, как потерявший след пес, исчез в одной из нор. Енисеев бросился в другую, стараясь на параллельном курсе обогнать, прийти к королевским покоям первым. В темноте срывался в ямы, с разбегу налетал на острые выступы, от перегрева в голове началась адская боль.

Зачувяв его приближение, ближайшие боевые шестиножки привстали, разомкнули капканы жвал. Енисеев с разбегу прыгнул, наметив щель под самым потолком. Больно хлестнуло по плечам, Енисеев проломился через занавес антенн, упал.

Прямо перед глазами колыхалась белесая гора. На кончике брюшка блеснула жемчужина, крохотные муравьи бросились к ней, с бильярдным стуком хрястнулись головами. С другого конца суетились рабочие, поднося царице корм. Старая царица стала похожа на лондонский

автобус. На ней плотно сидела рыжая Анергатис, свежая, молодая, с неистертыми шипами на лапах.

Енисеев поспешно прыгнул, видя, что Анергатис уже смыкает острейшие жвалы на шее царицы. Ударился в потолок, плюхнулся на спину молодой самки, та нервно дернулась, лишь царица ни на что не обращала внимания...

Балансируя, как пирамида Бременских музыкантов, он сумел упереться макушкой в потолок. На глубине в ладонь темнеет толстый, как пожарный шланг, ганглий. Острие его шпаги вошло точно в центр нервного узла.

Самка резко дернулась. Енисеев упал на пол, отбежал на четвереньках, а следом, едва не придавив его, рухнула, как цистерна, рыжая самка. Крючковые лапы медленно скребли пол. Енисеев бросился к выходу, где как водоросли колыхались усики, блестели жвалы.

Протиснулся, понес измученное тело по темным переходам. Не задержали, и то спасибо. Дескать, не в покои рвется, а изнутри... Куда занесло дуболомов, которые в муравейнике ни уха ни рыла?

Он пробежал бы мимо, если бы не возбужденные муравьи. Они суетились перед темной нишей, кидались в нее, исчезая в непроглядной тьме.

– Дмитрий, Саша! – прохрипел Енисеев сорванным голосом.

Из темноты донесся искаженный вопль, в котором Енисеев едва узнал голос Дмитрия:

– Енисеев?.. Не подходи близко!

– Что случилось? – заорал Енисеев.

– Эти взбесились... Нападают! – послышался сдавленный крик. – Едва отбиваемся.

– Выпрыгивайте! – скомандовал Енисеев. – Как можно дальше!

– Куда?

– Прямо перед собой! – заорал Енисеев. – Быстрее, пока их мало!

Муравьи бросились на штурм. В этот же момент из темноты выметнулся, как огромная летучая мышь, Дмитрий. Глаза у него были выпучены, он прижимал к себе неподвижную Сашу, у которой не осталось ни кровинки в лице.

Они упали на муравья, который только что подбежал, мобилизованный запахом местной тревоги. Муравей крутнулся, еще не зная, хватать или не хватать. Енисеев успел вклиниться, погладил разиню по усикам:

– Быстрее, вон в тот тоннель...

Дмитрий метнулся, задев Сашей о стену. Посыпались камешки вперемешку с трухой. Енисеев оставил муравья, прыгнул следом.

Саша свисала с плеча Дмитрия, беспомощная, как дохлая рыба. Глаза ее были закрыты. Левая рука по самое плечо в темной поблескивающей пленке крови.

– Что случилось? – крикнул Енисеев им в спины.

– Эти зверюги набросились без повода! – ответил Дмитрий на бегу.

– Муравьи не люди, без повода не нападут!

Дмитрий исчез за поворотом, когда Енисеев догнал, уловил обрывок оправдательной речи:

– ...нарушили какое-нибудь табу? Задели религиозные чувства или нечаянно плюнули на их святыню? Помню, как-то раз в Кабуле... Нет, это было в Ливане...

Саша застонала, попробовала шевельнуться. Дмитрий замолк, осторожно взял ее в руки, понес, прижимая к груди.

– Поди разберись, – буркнул он. – С людьми не всегда поймешь, а это муравьи!

– Золотые слова, – сказал Енисеев с чувством. – Раньше бы вспомнил! Что с Фетисовой?

Дмитрий опустил Сашу. Она лежала бледная, на груди темнела сухая корочка крови. На плече ранка еще сочилась, кровь вздувалась темными шариками, затем растекалась тончайшей темной пленкой.

Саша открыла глаза. Голова перекатилась из стороны в сторону, шея казалась совсем тонкой, беспомощной.

– Плечо малость повредила, – сказала она едва слышно. – А так все терпимо.

Дмитрий хлопнул себя ладонями по бедрам, взревел:

– Терпимо? Он же тебя ел! Самым натуральным образом. Я твою руку у него из желудка выдернул... Вся изгрызенная, посмотри!

Он подхватил Сашу, та воспротивилась, попробовала идти сама. Там, в Большом Мире, сил вряд ли хватило бы, но здесь пошла, пошла. Погони не было, муравьи про них уже забыли, и Саша часто останавливалась, только не для отдыха, как предположил было Енисеев, а, зверски перекосив лицо, сама вправляла себе суставы, безжалостно ощупывала раны.

Когда выбежали из муравейника на яркий свет, Дмитрий остановился, шурясь от нещадного солнца, спросил со вздохом:

– Теперь вместо наших муравьев будут бегать чужие?

Саша мазнула взглядом по его опечаленному лицу, попробовала утешить:

– Это будет не скоро, Енисеев же говорил...

Енисеев заколебался, говорить – не говорить, в каком случае ущерба меньше? Во всем теле сухость, в желудке растекся нехороший жар, а в висках начали стучать маленькие злобные молоточки.

– Ну... не будут.

– Ты же сам сказал, – начал Дмитрий удивленно.

Его взгляд зацепился за шпагу Енисеева. В зазубринах блестела слизь, рыжел прилипший клочок хитина.

Дмитрий оглядел Енисеева с ног до головы, словно впервые увидел. В глазах героя-испытателя было безмерное удивление. Вдруг взгляд его потух, он сказал неожиданно рассудительно:

– Впрочем, мы тоже... Кто дал мне право вмешиваться? Или тебе, Саша? Вдруг правы именно рыжие? Вдруг они отстаивали исконные свои земли, которые временно оккупировали черные?

– Дмитрий, – вздохнул Енисеев, – лучше помолчи. Это муравьи! Насекомые. Просто... за тридцать миллионов лет инстинкты настолько усложнились, что кое в чем обгоняют разум...

По вспыхнувшим фанатичным огнем глазам Саши понял, что плеснул масла в огонь, поспешно закончил, повысив голос:

– ...но разумом эти инстинкты не стали! Все, ребята. Замолкаем. До самой Двери – ни звука. У нас с вами по-разному мозги устроены. Все понимаете как-то по-армейски. Вы не марсиане случаем?.. Дмитрий, вызывай лифт! Нам троим ходить пешком, как я вижу, противопоказано.

ГЛАВА 14

Дмитрий выпрямился, обвел глазами окрестности, словно прощаясь, медленно поднял руки над головой. Саша укоризненно посмотрела на Енисеева. Енисеев отвел взгляд, потом так же прямо взглянул ей в глаза. Он был сильнее этих десантников, он чувствовал. И на тысячи лет старше.

Вдруг все трое содрогнулись. По нервам Енисеева словно ударило электрическим током. Дмитрий глухо заворчал, словно у него в пищеводе прокатились тяжелые камни, хищно пригнулся. Саша быстро стала спиной к стволу растения, бросила испуганные взгляды вправо и влево.

Люди не были муравьями, но запах узнали.
Общая тревога!

Промчался разъяренный муравей. За ним тянулась узкая и почти видимая глазом, как за высотным самолетом, струя газа, в который превращался на выходе из брюшка феромон тревоги. Так же как за самолетом, струя быстро рассеивалась, расплывалась в плотном воздухе. Жвалы муравей раздвигал до упора, черные гибкие сяжки бешено секли вечерний воздух. Муравей на ходу подпрыгивал, виляя брюшком, усиливая запах.

Среди растений замелькали черные спины. Ни одного рабочего – одни солдаты! Крупно-головые, широкожвалые, все разъяренно метались, с разбегу натыкались друг на друга, вцеплялись, но тут же, признав своего, мчались в разные стороны.

Первой ощутила запах чужих муравьев Саша, а через секунду волна новых феромонов настигла Дмитрия с Енисеевым. У Енисеева зашевелились волосы, по спине пробежал озноб. Рядом присел с растопыренными руками, словно изготовился к схватке с гориллой, Дмитрий. У Саши вид был решительный и отчаянный. Она готова была защищать собственную жизнь, жизни друзей, беспомощного расплода, нежных личинок, пакетов яиц...

– Не сходите с ума! – предостерег Енисеев во весь голос. – Мы пропитались феромонами, те манипулируют даже нами. Бегом отсюда! Это не наша война.

Из-за зеленого растения со свисающими до земли листьями выметнулся первый враг, ярко-рыжий, словно вымазавшийся в охре, крупный муравей. Он увернулся от двух черных, сбил с ног третьего. Драться не стал, хотя был крупнее, мощнее. Дмитрий и Саша натренированно отпрыгнули, Енисеев полетел вверх тормашками. Рыжий солдат, не обращая на них внимания, со всех ног промчался к муравейнику лазиусов.

– Амазонки? – спросил Дмитрий, становясь в боевую стойку.

– Они, – буркнул Енисеев.

Голова уже раскалывалась от боли. Он поднялся на подрагивающих ногах, чувствуя себя так, словно его переехала колонна армейских грузовиков.

Рыжие мелькали среди зелени, как бегущие за невидимыми зайцами лисы. Все крупнее, массивнее, а жвалы вообще длиннее вдвое, зазубрины – что бритвы.

Сухо хрустнули панцири – рядом с Енисеевым сшиблись черный с рыжим. Рыжий свирепо сжал черного жвалами за голову, литой хитин отвратительно захрустел, жвалы стали погружаться, но с боков на рыжего набросились двое черных, вонзили кривые серпы.

– Совсем озверели люди, – проговорил Дмитрий, голос его дрожал. Свою Дюрандаль он держал наготове. – Такие охотничьи уголья! А пастбищ вообще на сто мурашников хватит!

Енисеев шагнул вперед, опомнился, заставил себя уцепиться обеими руками за ствол. Внутри кричало, мышцы дергались, он ненавидел чужаков, он должен их рвать на части, вонзать жвалы, рвать на части... Господи, но ведь он – доктор наук, высоколобый, а каково испытателям, у которых и так доминируют рефлексы?

Он громко продекламировал, стараясь в хриплый, потрясенный голос подлить едкой насмешки:

И рыжий о черный ударился щит,

Ни вздоха, ни стона – война шелестит.

И черное войско, и рыжая рать,

И рыжие черных спешат dokonать...

– Кто это? – спросила Саша очень тонким голосом.

– Николай Ушаков. «Муравьи».

– Да нет, кто сейчас напал? – переспросила Саша, в ее глазах сверкнул гнев.

– Амазонки полиергус. Обычный грабительский поход за рабами.

– За рабами? – ужаснулся Дмитрий.

Мимо него два черных лазиуса бежали бок о бок с рыжим, как слаженная тройка братьев-разбойников. Дорогу им загородил старый ветеран, в котором Енисеев узнал колченого солдата. Черный лазиус злобно хватил его жвалами, искалечив вторую лапу, помчался догонять атакующую колонну.

Енисеев объяснил неохотно, чувствуя на себе вопрошающие взгляды испытателей:

– Квислинги... Нет, янычары. Когда-то этих лазиусов похитили куколками. Они вылупились у рыжих, им и служат. Воюют тоже.

Саша сказала с напряжением, не отрывая глаз от бегущих мимо них рыжих:

– Разве позволим этим тварям напасть на мирный муравейник?

– Это не наша война, – повторил Енисеев резко. – Опомнитесь. Это му-ра-вьи!

Рядом пробежал рыжий. Дмитрия как ветром сдуло, он в один прыжок оказался на спине врага и очень точно, подражая Енисееву, одной рукой ухватился за стебель головогруды, другой всадил острие Дюрандаля в спинной ганглий.

Муравей как будто попал в густой кисель. Сделав пару шагов, повалился набок. Лапы скрючились. Дмитрий скатился кубарем, обеими руками выдернул меч с застрявшими в зазубринах клочьями рыжего хитина.

У Саши загорелись глаза:

– Димка, как ты... Я даже не знала, что их можно...

Дмитрий раздул грудную клетку, как боевой петух, кивнул на Енисеева:

– У нашего инструктора чему только не научишься! Ты бы видела, какого жука он завалил с одного удара!

Саша с недоверием оглядела Енисеева. Поверила или не поверила, но спросила с мольбой:

– Как им помочь? Эти сильные, лютые. А лазиусы мирные, слабые...

Дмитрий умело поразил второго рыжего. Саша, не дождавшись ответа, выхватила у Енисеева шпагу, бросилась на ближайшего рыжего. Яйцеклад осы-риссы скользнул по литому хитину, Сашу отбросило. Кровавая корка на плече лопнула, брызнула алая струйка.

– Бесполезно! – крикнул Енисеев. – Вот если бы снять горнистов.

Господи, мелькнула паническая мысль, уже и он заговорил на жаргоне меднолобых! Да что же те с лифтом застряли? Не видят разве?

– Кто это? – спросила Саша. – Которые горнисты?

– Которых ведут в поход, – ответил Енисеев вынужденно. – Без них атакующие колонны распадаются, возвращаются...

Он кивнул на муравья, бегущего во главе отряда. Муравей трясся, подпрыгивал, брюшко дергалось, распространяя резкий запах.

Дмитрий опередил Сашу, его Дюрандаль проломил хитин с сухим хрустом. Муравей дернулся, страшные жвалы щелкнули, едва не достав Сашу. Лапы и усики обреченно подогнулись.

Муравьи пробежали мимо, но вскоре начали останавливаться, ощупывать воздух усиками, словно измеряли невидимую стену.

– Заработало! – выкрикнул Дмитрий. Он метался среди муравьев, стараясь поразить самых крупных. – Который еще? Покажи на главных! Какие у них знаки различия?

– Может быть, указать сразу на маршала? – спросил Енисеев зло.

– Здорово бы!

– Маршалы в атаки не ходят.

Дмитрий пристыженно остановился – цивилизный лучше знает ситуацию! – и тут же его сбили с ног. По нему пробежало множество лап, оставляя глубокие царапины.

Поднявшись, угрюмо признал собственный промах:

– В атаку ведут ротные и батальонные, а их до чертовой матери! Всех не перебеешь.

Саша с хриплыми воплями неумело тыкала шпагой. Наконец ткнула в бок пробегающего муравья, но сама покатила от мощного толчка. Муравей, как боевой механизм, нацеленно унесся дальше, не замечая пустяковой раны. На повороте шпага чиркнула о дерево, ее толчком выбросило. Саша ринулась подбирать, ее стоптали, она поднялась помятая, в царапинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.